

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 18

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕПЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

съ 7-го мая 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

№ прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за май 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1905 г. съ 58 рис. и отдѣльн. листь съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 4 рис. работъ для вышиванія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. «ОБРАЗОВАНИЕ», Рательевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ доставкою въ ПЕТЕРБУРГЪ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . . 8 р. За границу. 12 р.

«Головка въ желтомъ платочкѣ».

Портретъ И. С. Куликова (Весенняя Выставка въ Академіи Художествъ), авт. «Нивы».

Волченокъ.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

IV.

Воротился онъ въ Россію, привезя программу: «Уллисъ и Ахиллесъ». Хотя никому не было дѣла ни до Уллисовъ, ни до Ахиллесовъ, и всѣ уже думали о крестьянской реформѣ, но академія, замкнутая въ своихъ затхлыхъ рамкахъ, признала Ахиллеса интереснымъ и выдала за картину званіе профессора. Въ сущности, она очень мало отличалась отъ «Соломона», только краски, подъ вліяніемъ Италіи, стали поестрѣе. Оживой наблюдательности и желаніи создать что-нибудь свое—у него не было и въ мысляхъ. Когда онъ рисовалъ портреты высокопоставленныхъ особъ, особенно дамъ, онъ старался причесать ихъ какъ можно глаже, открыть шею какъ можно больше и, насколько возможно, искривить тѣло граціозной позой. Тѣло у него всегда изображалось блѣдно-розовымъ, цвѣта малины со сливками; фонъ портретовъ представлялъ или бурое всклокоченное небо, или нѣжное, голубое море съ летающими птичками. Первое особенно шло для фельдмаршаловъ. Последнее—для княгинь и княжонъ. Писалъ такіе портреты Андрей Ивановичъ всегда во фракѣ, и притомъ, засегнутомъ на всѣ пуговицы. Нѣтъ ничего мудренаго, что, къ пятидесяти годамъ снѣ уже былъ дѣйствительный статскій

совѣтникъ, и носилъ при шитомъ мундирѣ и бѣлыхъ панталонахъ красную ленту.

Въ академіи онъ не ужился въ совѣтѣ. Вскорѣ онъ его оставилъ и сумѣлъ какъ-то, Богъ его вѣдаетъ, какимъ путемъ, добиться множества частныхъ заказовъ изъ разныхъ губернскихъ городовъ по росписи строящихся соборовъ. Это было въ тотъ періодъ жалкаго развитія зодчества, когда по всѣмъ городамъ стали строить скучнѣйшія церкви съ пятью луковичами на пяти барабанахъ, и увѣрять, что это византійскій стиль. Такіе соборы принято было расписывать въ «итальянскомъ стилѣ», особенно иконостасы; и вотъ къ нимъ-то и присосѣдился Андрей Ивановичъ.

Онъ сформировалъ цѣлую «банду», какъ онъ называлъ молодыхъ копистовъ, которымъ нечего было ѣсть, и которые усердно копировали однихъ и тѣхъ же архангеловъ, архистратиговъ, святителей, столпниковъ—словно олеографіи печатали. Слѣдилъ онъ за копіями строго, не позволяя ни на волосъ уклоняться отъ своего оригинала и, платя имъ гроши, самъ получалъ въ годъ чистаго тысячъ сорокъ. Это позволило ему купить на Васильевскомъ островѣ три дома и не выѣзжать изъ бухарскаго халата, къ которому имѣлъ приверженность съ молодыхъ лѣтъ. Женатъ былъ какъ-то мимоходомъ. Года два побыва въ его домѣ жена, и затѣмъ—пропала.

— Женщина въ домѣ—только безпорядокъ,—говорилъ онъ. — Женщину въ домъ можно пускать только на побывку. Я даже прислуги женской не признаю. Руководить культурой призванъ мужчина. А женщина, это есть рождающій матеріалъ.

— Однакоже, вы родились отъ женщины? — замѣчали ему.

— Такъ что же? Я ей очень благодаренъ, и на Смоленскомъ кладбищѣ, когда ея могилу размыло, заново все отдѣлалъ-съ.

Родственниковъ онъ не терпѣлъ, а родственницъ со всѣмъ не признавалъ, и когда къ нему обратилась дочь его племянницы съ просьбою дать сто рублей на покупку швейной машины, съ обѣщаніемъ уплатить эти деньги въ разсрочку, онъ сказалъ:

— Кто такая? Анна? Ольги дочка? Много васъ! Какая Ольга? Я не помню Ольги. Можетъ-быть, была Ольга, но я не могу теперь ясно представить. У нея угри на лицѣ были. Эта, что ли? Я не могу всѣмъ помогать. Всѣ ходятъ, и всѣ просятъ. Я не настолько глупъ, чтобъ вѣрить всѣмъ вамъ.

Къ Троицкому онъ относился милостивѣе, хотя просилъ объ одномъ: не ходить къ нему.

— Вѣдь ты грамотный? — говаривалъ онъ. — Ну, и напиши, коли нужно чтѣ. А то придешь,—поль у меня паркетный, а ты, чего добраго, безъ калошъ. Написалъ письмо, принесъ, отдалъ лакею, я сейчасъ же тебѣ и отвѣтъ пришлю. Ну, въ Новыи годъ, на Пасху приди. Всегда не только приму,—пять рублей дамъ,—а такъ, въ будни, пожалуйста ходи куда-нибудь въ другое мѣсто.

Когда Троицкій, оставивъ Петра у подъѣзда, поднялся къ дядѣ и позвонилъ, ощущеніе у него было не изъ пріятныхъ: точно онъ собирался окунуться въ прорубь. Человѣкъ сказалъ: «ихъ превосходительство дома» и провель художника въ кабинетъ.

Кабинетъ у Андрея Ивановича былъ большой, съ огромнымъ письменнымъ столомъ, по случаю купленнымъ на аукціонѣ; за этимъ столомъ онъ никогда ничего не писалъ, но любилъ собственноручно стирать пыль съ завитушекъ хитрой рѣзбы, которой онъ со всѣхъ сторонъ былъ изукрашенъ. Стѣны были увѣшаны коврами и копіями съ знаменитыхъ мастеровъ, когда-то собственноручно воспроизведенными Андреемъ Ивановичемъ. Въ углу комнаты помѣщался огромный каминъ въ стилѣ возрожденія; къ нему Андрей Ивановичъ, какъ человѣкъ зябкій, чувствовалъ особое пристрастіе. И теперь, при входѣ племянника, онъ стоялъ на нѣкото-

ромъ разстояніи отъ огня и, раздвинувъ фалды, свою спину.

— Зачѣмъ пожаловалъ?—не то строго, не то заговорилъ онъ, не подавая вошедшему руки, а ваясь съ нимъ одними глазами.

— Да вѣдь я безъ дѣла не хожу,—возразилъ мянникъ.

— Положимъ! — протянулъ дядя и прибавилъ: коли пришелъ, такъ садись.

— Нѣтъ, я лучше стоя.

— Ну, стой, пока ноги держать.

Троицкій положилъ свою шляпу на кресло, а слегка взялся за его спинку.

— Вышелъ казусъ,—усмѣхаясь, началъ онъ. — И присталъ мальчикъ. Вотъ какъ собаки на улицѣ стають. Присталъ, обнюхалъ и пошелъ за мной.

— А ты его хочешь мнѣ свалить!—закричалъ ливый дядя.—Да что у меня: пріютъ? мѣсто для мусора? ночлежный домъ?

— Ну, вотъ,—поводя плечами, возразилъ Троицкій.—Я-то вамъ хотѣлъ сдѣлать удовольствіе...

Андрей Ивановичъ захохоталъ громкимъ дѣломъ смѣхомъ.

— Онъ удовольствіе мнѣ хочетъ доставить! Скажите пожалуйста! Да что ты платить мнѣ за него будешь?

— Пойдите, дядя. Онъ мальчонка шустрый, онъ будетъ полезень. Вы ему сдѣлаете блузу, штаны, поги,—весьна него расходъ,—а онъ вамъ все сдѣлаетъ, даже полы мыть.

— Душенька моя,—заговорилъ Андрей Ивановичъ, отходя отъ каминна и въ упоръ подходя къ племяннику.—Да мнѣ когда такихъ ребятъ приводятъ, такъ не платить—только возьми. Ты думаешь, этой вольей мало у насъ? Весь островъ кишитъ рванью! Пусть себѣ уличнаго бродягу. Да онъ будетъ красненько вать да продавать, оспой или чесоткой всѣхъ заразитъ.

— Куда же мнѣ его дѣвать? — нахмурился, спрашивалъ Троицкій.

— Не пропадетъ. Мальчишки народъ живучій. Если ему надо. Украдетъ сайку, вотъ и живъ, и сытъ я знаю, чтѣ думаешь: какія безнравственныя вещи повѣдуетъ этотъ старый хрѣнь. Нѣтъ-съ, это не безстыденно, что у мошенника-саечника ловко украдетъ зуря сайку. Это такъ и надо. Вотъ я въ прошлый сентябрь присяжнымъ засѣдателемъ былъ. Зубами съ купчихками и чинюшками. Стянулъ, виднись ли кой-то пострѣленокъ паштетъ, что стоялъ на окнѣ и, натурально, слопалъ. Прокуроръ спрашиваетъ: вы можете сказать въ свое оправданіе? А онъ ригитъ: «Я два дня былъ не жрамши». Прокуроръ настаиваетъ: «Отчего же, говоритъ, вы этотъ паштетъ почили куску колбасы, что лежалъ тутъ же?» — «Дорогъ, говоритъ, былъ больше». Купчихки говорятъ: «Закатать, потому что ему страстбургскіе пироги нравились». А я спрашиваю: «А небось вы-то сами бы взяли? Какъ бы не такъ! Вы тоже тянете кусъ посолиднѣе, да и всѣ мы такъ». Убѣдилъ, что такіе же мошенники—оправдали.

— Такъ вы, дядя, это для какого примѣра мнѣ сказываеге? Чтобы свою теплую душу раскрыть и мною, или чтобы показать, какъ всякій преступникъ можетъ быть обѣленъ и возрожденъ для новой жизни?

Андрей Ивановичъ опять подошелъ къ камину, и вернулся къ нему спиной.

— Ты, милый, тупъ. Тебѣ кажется, что я самъ противорѣчу? Нѣтъ. Я веду къ тому, что шустрый мальчонка никогда не пропадетъ. Во-первыхъ, если онъ прохля, то онъ и въ кражѣ не попадетъ. А во-вторыхъ, онъ богаче насъ съ тобою во всякомъ случаѣ, потому что у него впереди все открыто, весь міръ, и условіями никакими онъ не связанъ. Понимаешь, какъ это ва-

не быть связаннымъ никакими условіями! Я вѣдь зналъ такихъ. Ходить двѣнадцатилѣтній щенокъ по дворамъ съ корзинкой и мѣшкомъ, и кричить: «Костей, тряпокъ, бутылочкѣ, баночкѣ». Потомъ, смотришь, приказчикомъ въ стекольной лавкѣ; а потомъ за вырубкой стоитъ; въ двадцать два года ужъ хозяина въ трубу пустил и самъ лавчонку держитъ; къ тридцати годамъ у него стеклянный заводъ; черезъ пять лѣтъ еще — погребъ съ собственнымъ разливомъ; а потомъ, къ сорока годамъ, считается въ миллионѣ, а къ шестидесяти — однихъ судовъ на пятьдесятъ миллионѣвъ для перевозки бочекъ. И все на глазахъ у меня, на глазахъ росло.

— *Laissez faire, laissez passer!* — засмѣялся Троцкій.

— Вотъ! Вотъ! — подтвердилъ дядя. — А вѣдь если я наберу цѣлый ковчегъ этихъ хамовъ, такъ мнѣ самому будетъ не повернуться въ собственномъ домѣ. Ты посмотри, сколько у меня этихъ тварей. Пойдемъ.

И онъ спѣшными, подпрыгивающими шагами пошелъ къ двери.

V.

По винтовой лѣстницѣ они поднялись наверхъ. Андрей Ивановичъ отперъ карманнымъ ключомъ тяжелую дверь, она тихо отворилась, и они сразу очутились въ иномъ мѣрѣ. вмѣсто дорогихъ обоевъ и рѣзныхъ потолковъ, со стѣнъ смотрѣла печальная желтоватая краска. Потолокъ былъ какой-то мутный, запыленный. Комната была большая, даже очень большая, но видъ у нея былъ унылый. Троцкому показалось, что все — и стѣны, и окна, и потолокъ, и рядъ грязныхъ, запачканныхъ мольбертовъ — все это страдаетъ мучительной зубной болью и застыло въ нѣмомъ отчаяніи.

Мольбертовъ было много: восемь или десять. На каждомъ стояли только начатые, или уже почти конченные преподобные отцы церкви, столпники, угодники, митрополиты, юродивые и пр. Всѣ они были изображены въ точныхъ копіяхъ, по оригиналамъ самого Андрея Ивановича, помѣщавшимся тутъ же. Иконы эти не имѣли ни малѣйшаго отношенія ни къ нашей старинной иконописи, ни къ итальянской папской школѣ, предшествовавшей Возрожденію. Это были гладко причесанныя, на помаженныхъ и завитыя лица, съ сладкимъ умилительнымъ выраженіемъ глазъ, съ расшитыми драгоценными камнями сапогами, въ прозрачныхъ, отороченныхъ бахрамой тогахъ. Они стояли точно въ артиллерійскомъ дымѣ: вокругъ клубились какія-то густыя облака. Ревнители древняго православія ужасались такимъ образомъ, но ихъ одобряли по преимуществу губернаторши и, смотря въ лорнетъ, находили ихъ «жантиль».

У чугунной печки два мальчугана возились съ дровами, тутъ же раскальвая ихъ топорикомъ на короткія лучинки, потому что длинныя полѣнья не влѣзали въ устье печурки. Одѣты были они въ синія, ниже колѣнъ блузы, крайне безобразныя и выпачканныя во всевозможныхъ краскахъ. Третій мальчикъ, стриженный и босой, мылъ полъ, часто наклоняясь и соскабливая приставшую къ половицамъ краску.

— Вотъ они, мои пажи! — крикнулъ Андрей Ивановичъ. — Каковы черти? Грязны, точно ихъ выкупали въ помойной ямѣ, а между тѣмъ, каждую субботу, они сами себѣ стираютъ блузы, и въ воскресенье ихъ гладить стряпуха.

— Сами стираютъ? — удивился племянникъ.

— Что же, въ англійскій магазинъ ихъ отдавать стирать, что ли? — осклабился дядя. — Ну, такъ вотъ видишь: эта рвань, которую я пою, кормлю и одѣваю, не только не получаетъ жалованья, но у меня лежитъ отъ каждого изъ нихъ по десяти рублей залога, чтобъ я былъ обезпеченъ со стороны возможнаго воровства.

— Что-жъ, я вамъ дамъ за него залогъ, — сказалъ Троцкій.

Дядя повернулся къ нему.

— О-о? Развѣ у тебя розсыпи нашлись?

— Не розсыпи, а я тутъ брошюрку одну иллюстрирую: помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Такъ докторъ тридцать рублей обѣщалъ.

Андрей Ивановичъ захохоталъ и взялъ племянника повыше локтя.

— Ежели ты хочешь сдѣлать такую глупость, и треть своего заработка оставить въ залогъ за какого-то уличнаго бродягу, то я этого не позволю, — слышишь, я! Возьму со стороны кого, но не отъ тебя.

Троцкій пожалъ плечами.

— Какъ хотите, настаивать не могу.

Онъ дошли до противоположнаго конца комнаты; въ самомъ углу, за мольбертомъ, почти скрытымъ высокими образами, сидѣла какая-то фигура и усердно водила по полотну кистью.

Фульгинъ! — удивленно сказалъ Троцкій.

— Я, — отозвался тотъ.

— Здравствуйте, Фульгинъ! — въ свой чередъ сказалъ профессоръ.

— Видѣлись утромъ, — лаконически отрѣзалъ художникъ и еще больше уткнулся въ работу.

— Вотъ такъ костюмъ, — замѣтилъ Троцкій.

Костюмъ и вправду былъ исключительный. Онъ представлялъ собою когда-то роскошный атласный халатъ со стегаными отворотами; онъ давно уже протерся, матерія просѣклась и повисла лохмотьями, которыя отъ времени свалились въ хвостики, ни дать ни взять на горностаевой мантии. Цвѣтъ халата былъ весьма пестрый, такъ какъ владѣтель его нерѣдко обтиралъ объ него кисти. Изъ-подъ широкаго, какъ хомутъ, воротника высовывалась длинная, худая шея Фульгина; на этой шеѣ сидѣла длинная голова съ опухшимъ отъ пьянства лицомъ и злыми, умными глазами. На видъ ему было лѣтъ подъ тридцать, и если бы не «черты изъ жизни», вкрапленныя въ его лицо, онъ, пожалуй, былъ бы красивъ.

— А чѣмъ не халатикъ! — весело сказалъ Андрей Ивановичъ. — Ты знаешь, мнѣ его подарилъ когда-то графъ Пехтереевъ. Тепленькій, на пуху. А что онъ протерся, такъ вѣдь не въ государственной совѣтъ его надѣвать. Пришелъ Фульгинъ, пропившись до нитки, — ну я ему и далъ, что потеплѣе.

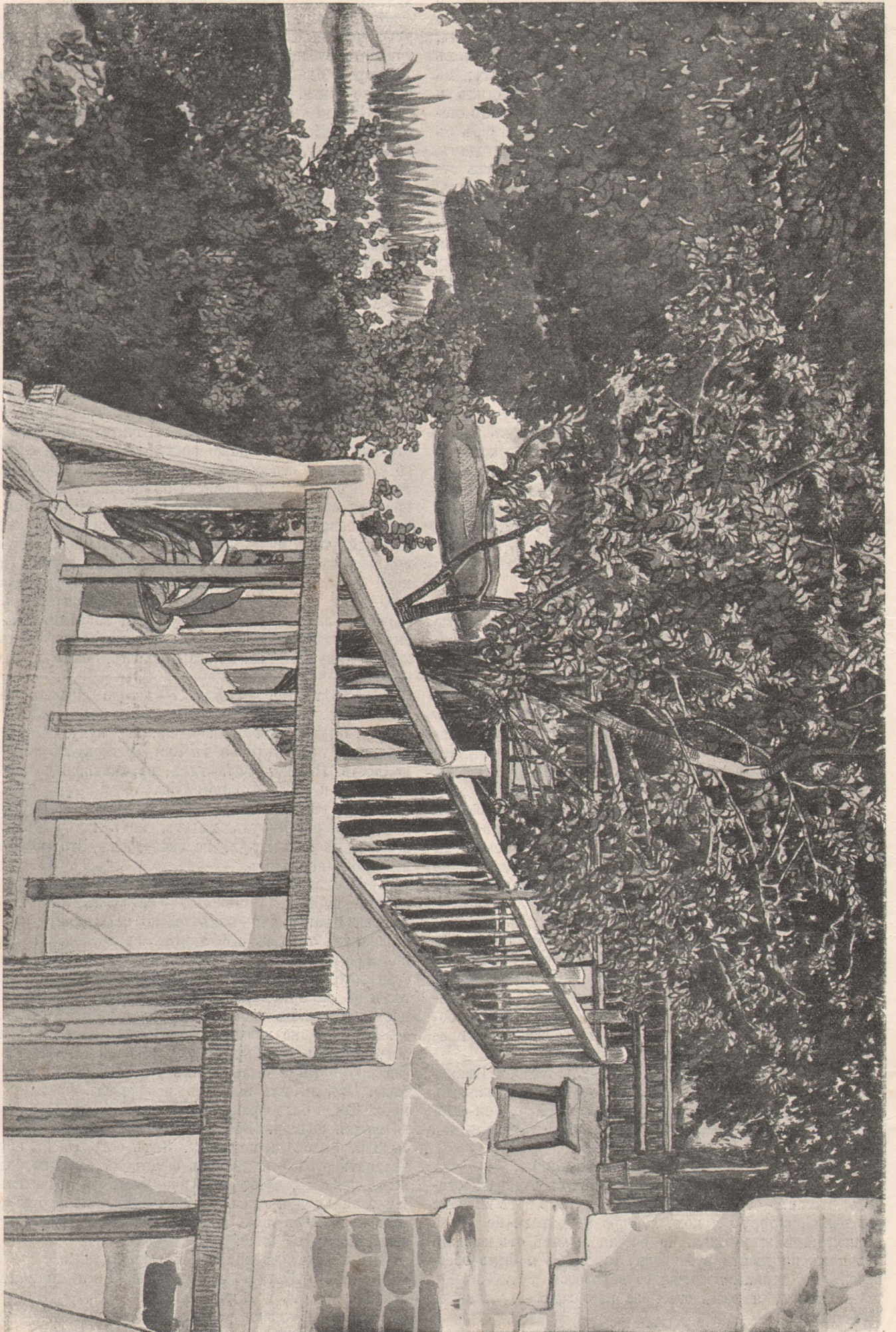
— Ты это, Троцкій, видѣлъ? — спросилъ Фульгинъ, и вдругъ распахнулъ халатъ, подъ которымъ ничего, кромѣ волосатой груди, не оказалось. — Это называется: яко нагъ, яко благъ.

— Послѣзавтра у васъ будетъ прекраснѣйшая пиджачная пара, любезнѣйшій, — замѣтилъ настаивательно Андрей Ивановичъ: — какъ только въ кончте Симеона-столпника, тотчасъ же явится превосходный портной изъ девятой линіи, Ааронъ Самойловичъ Мейербергъ... (замѣтьте, сколь музыкальная фамилья!) и предложитъ вамъ на выборъ пару, любого для васъ колера... А что настоящій вашъ костюмъ фантастиченъ, такъ для художника это не грѣхъ. Помню я, когда писалъ на золотую медаль свою программу Николай Ге, — я ужъ профессоромъ тогда былъ, — такъ у него еще чуднѣе платье было. Онъ любилъ шикнуть и заказалъ фракъ у Шармера. Тогда безъ фрака повернуться нельзя было, — вездѣ во фракѣ ходили. Всѣ свои деньги, что изъ дома присылали, ухлопалъ портному. Тотъ содралъ съ него сто двадцать рублей и принесъ фракъ съ бѣлымъ полотнянымъ чехломъ, чтобъ онъ, понимаете, не пылился. Ну, Николай Ге и пустилъ этотъ чехоль въ оборотъ: цѣлый годъ ходилъ въ немъ по мастерской, — и тоже подъ низомъ ничего не было.

Онъ захохоталъ при этомъ воспоминаніи.

— Самого Бруни, ректора, онъ такъ принималъ! — всхлипывая отъ восторга, говорилъ онъ.

— Самого! — передразнилъ его Фульгинъ. — Велика фря вашъ Бруни.

Тераса. Ангарель А. Н. Кардовскаго (Выставка Новоро Общ. Художниковъ), арт. «Нива».

Строжайший нейтралитетъ. Картина К. Венига (XIII Выставка картинъ СПБ. Общества Художниковъ), авт. «Нивы».

Андрей Ивановичъ внезапно стихъ.

— То-есть, какъ это фря?—спросилъ онъ строго.

— Да такъ. Неважное кушанье. Думаль, видите, что онъ Микель-Анджелло,—а самъ и до Брюллова не дошелъ. А туда же—самъ!

— Карбонарій! — шутиливо воскликнулъ Андрей Ивановичъ. По всему было видно, что ему не было расчета ссориться съ Фулыгинимъ.

— Ругайтесь, — хладнокровно замѣтилъ ему Фулыгинь.—А хотите, я васъ сейчасъ побагровѣтъ заставлю. Обернитесь, посмотрите, что на той стѣнѣ.

Андрей Ивановичъ быстро повернулся. Тамъ смѣло и размашисто былъ начерченъ углемъ его портретъ; онъ сидѣлъ обнявши мѣшки съ золотомъ, на груди тощихъ, раздавленныхъ имъ художниковъ. Особенно былъ прижатъ имъ тощій какъ скелетъ Фулыгинъ, зажавшій въ кулакѣ маленькаго чортика. Вокругъ головы Андрея Ивановича шло сияніе и красовалась надпись: «человѣконенавистникъ и пѣноксниматель».

— Что за мерзость!—завопилъ профессоръ.—Тишка, давай швабру, мой, подлець, скорѣе, пока остальныхъ нѣтъ! Живо, мерзавецъ, живо.

Онъ повернулся къ племяннику.

— Чего ты хохочешь? — грозно онъ крикнулъ на него.

— Да смѣшно очень. Это ты, Фулыгинъ, изображалъ?

— Весьма возможно! — невозмутимо подтвердилъ Фулыгинъ и вынулъ кисть изо рта, которую держалъ поперекъ, какъ пудель, что несетъ поноску.

— Какіе нахалы! Никакого уваженія къ возрасту. А слышали вы текстъ: «передъ лицомъ сѣдого возстани и почти лицо старца».

— Однако, сознайтесь, старецъ, что набросокъ этотъ талантливѣе вашихъ столбиковъ? — спросилъ Фулыгинъ.

— Вы не имѣете никакого понятія о благопристойности,—замѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Вы не должны забывать, что я здѣсь хозяинъ, и что я старшій.

— Надоѣли вы мнѣ, подите къ чорту!—вдругъ крикнулъ Фулыгинъ:—вы работатъ мнѣ мѣшаете.

— Да, мы идемъ,—возразилъ, струсивъ, Андрей Ивановичъ.—Пойдемъ,—обратился онъ къ племяннику:—видишь, онъ еще отъ своей горячки не отдѣлался вполнѣ. До зеленаго змія пиль.

— Ань нѣтъ, всего до чортиковъ, — поправилъ его художникъ.

— А теперь совѣмъ прошло? — полюбопытствовалъ Троцкій.

— Нѣтъ,—какъ будто нехотя отвѣтилъ Фулыгинъ.—Только они мнѣ не мѣшаютъ. Такъ спокойно сидятъ, смотрятъ. Два вонъ на трубѣ, на печкѣ: маленькіе, какъ котятъ. Одинъ—вонъ на лѣвомъ плечѣ у профессора.

Андрей Ивановичъ смахнулъ что-то съ плеча, точно пылъ стряхивалъ.

Фулыгинъ улыбнулся.

— Вотъ-те разъ! — сказалъ онъ: — я до чортиковъ упилюсь, а онъ ихъ съ себя смахиваетъ. — Ишь, онъ опять за ногу уцѣпился, лѣзетъ быстро, быстро и прямо за пазуху.

Андрей Ивановичъ плюнулъ.

— Ну васъ совѣмъ! — проговорилъ онъ и повелъ племянника къ выходу.

— Неоцѣненный работникъ, — шепнулъ онъ ему на ухо, когда они очутились на винтовой лѣстницѣ: — а пропоица первоклассный. И дорожу имъ, и тяжело! Даже насквили отъ него терплю. Талантъ! За талантъ много простится.

VI.

Когда Троцкій вышелъ на улицу, было уже болѣе пяти часовъ. Петръ ждалъ его у подъѣзда, залажа руки въ панталоны и насвистывая какую-то дикую пѣсню.

— Ну, братъ, пока ничего не выгораетъ, — сказала онъ.—Теперь мнѣ некогда, я пойду въ академію, а ты отправляйся домой. Найдешь домъ?

— Найду.

— А если заблудишься?

— Нѣтъ. Я и въ лѣсу не заблужусь.

— Давай, я напишу тебѣ адресъ.

— Не надо!

Онъ вдругъ повернулся и кинулся бѣжать.

— Куда ты, не туда, не туда!—крикнулъ ему вслѣдъ Троцкій.

Но тотъ не слышалъ и все мчался, высоко вскидывая свои пятки.

Троцкій вошелъ въ ворота академіи, повернулъ направо въ подъѣздъ и очутился въ огромномъ сводчатомъ коридорѣ. У одной изъ дверей, на которой красовалась дощечка съ надписью «Профессоръ Шпехтъ», онъ остановился, задумался и позвонилъ.

Ему отворила толстая старуха съ сѣдыми бровями на вискахъ. Она его непустила и посмотрѣла подозрительно.

— Чего вамъ надо? — спросила она съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— На минутку господина профессора.

— На минутку? У господина профессора нѣтъ минутки. Одинъ попроситъ на минутку, другой на минутку, — смотришь, цѣлый часъ сдѣлался изъ минутки. Господинъ профессоръ работаетъ, господинъ профессоръ хочетъ обѣдать, господинъ профессоръ хочетъ спать. А никто не хочетъ этого понимать, и цѣлый день звонятъ къ господину профессору и требуютъ его на минутку.

— Что тамъ такое?—раздался изъ прихожей голосъ, тоже съ акцентомъ, но уже болѣе басового тембра.

— Да вотъ опять какой-то академистъ хочетъ тебя видѣть, Вильгельмъ,—сказали букли:—но я говорю, что ты отдыхаешь, и что ты не можешь каждую минуту бѣгать въ гостиную и принимать каждого, кто захочетъ съ тобой болтать.

— Нѣтъ, Луиза, нѣтъ, тыпустишь его,—заговорилъ бась:—и дашь мнѣ еще одну кружку пива, чтобы я не заснулъ.

Букли, ворча,пустили Троцкаго. Онъ зналъ, что такая была эта сѣдовласая особа. Лѣтъ тридцать пять тому назадъ этотъ самый профессоръ Шпехтъ написалъ съ нея «Купальщицу» и былъ за то удостоенъ званія академика. Тогда она была бѣлокуренькой, тоненькой нѣмочкой съ кругленькими грудками и крохотными розовыми пальчиками. Теперь въ ея талии было около девяноста сантиметровъ, и она утѣшалась только тѣмъ, что гостарила:

— Моя мамочка имѣла въ талии сто два сантиметра, а папахень—сто девятнадцать.

Молодые люди давно привыкли къ ея воркотнѣ и знали, что она вызвана любовью къ мужу и желаніемъ его беречь и охранять.

— Ноги обтирать о половикъ!—грозно сказала она.

— Я въ калошахъ,—успокоилъ ее Троцкій.

— А-а! — снисходительно замѣтила она.—Все-та ставьте ваши калоши не на полъ, а на коврикъ, чтобы не было лужиць.

Троцкій вошелъ въ мастерскую Шпехта. Тотъ курилъ рижскую сигару, съ наслажденіемъ прихлебывая изъ кружки свѣтлое пиво. На видъ Шпехтъ былъ скорѣе чиновникъ, чѣмъ профессоръ живописи. Онъ носилъ короткія бакенбарды, пробиралъ усы и подбородокъ, а подъ халатомъ у него былъ черный жилетъ, галстукъ и крахмальная манишка, на которой болтался крестъ: онъ безъ ордена никогда не выходилъ изъ дома.

— Ну-нъ, что вы скажете, молодой человекъ,—ласково заговорилъ онъ, показывая на стулъ.—Чѣмъ могу помочь вамъ, сдѣлайте ваше одолженіе, рассказывайте.

— Не нуженъ ли вамъ мальчикъ, натурщикъ?

Шпехтъ наклонилъ голову на-бокъ.

— Какъ вы сказали?

Троцкій повторилъ.

— Мальчикъ? Вы говорите — мальчикъ-натурщикъ?

Но почему же вы думаете, что мнѣ онъ можетъ быть нуженъ?

Троцкій не нашелся, что на это отвѣтить.

— Вы чѣмъ же руководились, идя ко мнѣ съ вашимъ предложеніемъ, — продолжалъ Шпехтъ. — Вы, вѣроятно, слышали что-нибудь о моихъ работахъ? Вы слышали о той картинѣ, которую я пишу вотъ уже девятый годъ? Хотя я весьма тщательно охраняю ея секретъ, но вѣдь стѣны имѣютъ уши; а если у нихъ есть уши, то есть и языки. А если есть языки, то весьма понятно, что звонъ идетъ по всей академіи, выходитъ изъ ея воротъ и потомъ ползетъ по всему городу.

— Увѣряю васъ, профессоръ, я ничего не слышала... — началъ-было Троцкій.

Въ это время Луиза внесла только-что откупоренную бутылку пива.

— Вотъ, Луиза, — заговорилъ Шпехтъ: — этотъ молодой человекъ услышалъ, что я пишу уже девять лѣтъ картину, на которой хочу изобразить много мальчиковъ, и потому пришелъ предложить мнѣ мальчика. Видишь, Луиза, я всегда тебѣ говорилъ, что надо не пускать прислугу въ мастерскую и самимъ ее убирать, — надо завѣшивать окна и дверныя дырочки въ замкѣ. Если вѣзъ на это дерево, что стоитъ противъ окна, то всегда можно увидѣть картину и очень хорошо ее разсмотрѣть...

— А не ты ли, Вильгельмъ, — возразила Луиза: — девять лѣтъ со всѣми только и говоришь о своей картинѣ? Какая же это тайна, когда о ней знаетъ каждый воробей на Васильевскомъ Островѣ.

— Я! Я говорю о своей картинѣ? Фуй! — закричалъ Шпехтъ. — Я никогда не говорилъ о ней ни одного слова. А вотъ ты, Луиза, когда ходишь въ рынокъ и разговариваешь въ мясной съ профессоршей Клогенау, профессоршей Босяковой и профессоршей Риппъ, то я увѣренъ, что ты говоришь гораздо больше того, чѣмъ имѣешь на это право.

Онъ повернулся къ Троцкому.

— Ну, да, мнѣ нужны мальчики. Вамъ сказали правду. Только какой же это мальчикъ? Какой видъ у него?

— Какой видъ? — задумался на минуту Троцкій: — видъ у него такой южный. Кудрявые волосы, черные глаза...

Шпехтъ широко открылъ ротъ.

— А-а! — сказалъ онъ: — и волосъ черный?

— Какъ вакса.

— А-а! Ты слышала, Луиза, но это очень удачно.

— Да, Вильгельмъ, это удачно, — отозвалась Луиза. —

Ты именно искалъ мальчика съ черными волосами.

— Благодарю васъ, очень благодарю, — сказалъ Шпехтъ. — Вы даже мнѣ оказали услугу. Луиза, дай стаканъ, мы нальемъ молодому человеку пива. — Ну, сколько же надо платить за этого мальчика его родителямъ?

— У него нѣтъ родителей. Онъ найденнышъ.

— А-а!

— Пусть онъ живетъ у васъ. Онъ можетъ работать.

— Какъ работать! — закричалъ профессоръ. — Да ему сколько лѣтъ?

— Тринадцать, четырнадцать...

Шпехтъ вскочилъ съ кресла.

— Что-о? Четырнадцать? Мнѣ не нужно такого мальчика. Луиза, Луиза! Ты слышишь, — мальчику четырнадцать лѣтъ?

— О! — сказала съ негодованіемъ Луиза.

— Можетъ-быть, двѣнадцать, — поправился Троцкій.

— Двѣнадцать! Слышишь, Луиза, двѣнадцать!

— Намъ такого не надо! — строго проговорила Луиза.

— Понимаете ли вы, легкомысленный молодой человекъ, — началъ профессоръ: — что я пишу «Избіеніе Иродомъ младенцевъ»...

— Вотъ ты опять, Вильгельмъ, открываешь свою тайну, — замѣтила Луиза.

Вильгельмъ спохватился, но было уже поздно.

— Ну, ужъ если я сказалъ... Я думаю, молодой человекъ будетъ хранить тайну стараго художника.

— Не сомнѣвайтесь, — отозвался Троцкій.

— Я пишу «Избіеніе Иродомъ младенцевъ». Поэтому, вы понимаете, мнѣ нужна цѣлая куча младенцевъ и всѣ болѣе или менѣе южнаго типа. Это ужасно трудно. Свыше трехъ младенцевъ мнѣ не удалось достать. Мнѣ привезятъ ихъ много, но все какіе-то золотушные чухонцы, и нисколько не похожи на то, что мнѣ надо. Вы поймите, какъ я обрадовался, когда вы мнѣ сказали... Но вѣдь вы тоже должны понимать, что такое Иродовъ младенецъ. Это, одного, двухъ, ну трехъ лѣтъ. А вы мнѣ предлагаете большого болвана, который, пожалуй, уже водку пьетъ. Фуй, — это совсѣмъ не то!

— Это совсѣмъ не то! — подхватила Луиза.

— Можетъ-быть, возьмете его такъ, для услугъ, — попробовалъ предложить Троцкій.

— О, нѣтъ! — запротестовала Луиза. — Нѣтъ, я мужской прислуги не люблю, отъ нея всегда нечистота въ квартирѣ. Я держу только дѣвушекъ, и самыхъ молоденькихъ. Ихъ легко пручать къ чистотѣ, и это очень пріятно, когда въ домѣ двѣ свѣженькихъ молоденькихъ дѣвушки. И притомъ ихъ можно бранить, онѣ никогда не отвѣчаютъ...

Троцкій всталъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается извиниться, — сказалъ онъ, глядя на огорченное лицо профессора.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, — смягчился Шпехтъ. — Все-таки выпейте пива. Налей ему, Луиза. Онъ руководился добрымъ чувствомъ, идя ко мнѣ и желая предложить мнѣ хорошенькаго мальчика. Ну, чокнемся, молодой человекъ. Я знаю, вы талантливы, — въ прошломъ году мы присуждали вамъ серебряную медаль, теперь я васъ хорошо помню. Ну-нѣ, желаю вамъ быть профессоромъ, и когда я умру, жить въ этой квартирѣ.

— Фуй! Не люблю! — сказала Луиза.

Выйдя отъ профессора, Троцкій остановился.

«Къ инспектору обратиться? — подумалъ онъ. — Или подождать, — инспекторъ останется въ запасѣ».

Онъ вышелъ на улицу. Туманъ поднялся и фонари горѣли ярко. Онъ безцѣльно пошелъ по набережной, гдѣ каждый гранитный выступъ былъ имъ изученъ въ теченіе этихъ пяти лѣтъ пребывания его въ академіи. Взошла луна и заиграла на круглыхъ лицахъ египетскихъ сфинксовъ, что лежатъ въ царскихъ тиарахъ передъ зданіемъ академіи и придаютъ какой-то таинственно-мистическій видъ этому берегу Невы. Черезъ рѣку въ смутномъ, сизо-серебристомъ очертаніи видѣлся огромный золотистый куполъ собора Исаакія, а лѣвѣе — тонкой иглою подымался шпиль адмиралтейства. Луна дробилась жидкими пятнами руги въ темной водѣ; иногда въ полосу ея золотого свѣта вбѣгалъ пароходъ съ краснымъ или зеленымъ фонаремъ, и, перерѣзавъ ее, скрывался въ смутномъ фіолетовомъ сумракѣ водяныхъ испареній. Художникъ опять остановился, какъ сегодня днемъ, и опять сталъ запечатлѣвать въ своемъ сознаніи краски пейзажа.

— Главное общее, общія пятна! — твердилъ онъ про себя. — А деталей, мелочей нѣтъ. Все мощно, широко, сильно.

И онъ, не торопясь, пошелъ вдоль набережной, не отрывая взгляда отъ широкой панорамы рѣки.

Ворожея-цыганка. Картина К. Е. Маковского (XIII Выставка картинъ СПб. Общества Художниковъ), авт. «Нивы».

„Рыцарь Печального Образа“.

(Къ 300-лѣтнему юбилею «Донъ-Кихота»).

Въ началѣ мая настоящаго года въ Испаніи предстоитъ крупное національное торжество: трехсотлѣтній юбилей перваго изданія «Донъ-Кихота», вышедшаго въ свѣтъ впервые въ 1605 г.

По случаю этого рѣдкостнаго юбилея тамъ предполагается устроить цѣлый рядъ празднествъ съ шествіями, собраніями, рѣчами и даже съ выпускомъ узниковъ изъ темницъ.

Для того, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить такой подъемъ настроенія и такую торжественность, слѣдуетъ вспомнить, какое значеніе имѣлъ «Донъ-Кихотъ» для умственной жизни современныхъ ему европейцевъ, и какой переворотъ произвелъ онъ въ ихъ понятіяхъ. Нужно вспомнить, какую роль сыграла въ цивилизаціи эта замѣчательная книга, полная трезвой правды, остраго ума и рѣзкой сатиры, невредимо прошедшая сквозь строй трехъ вѣковъ, не утративъ ни своей свѣжести, ни своей жизненности, ни своего обаянія.

Въ средніе вѣка, въ Европѣ получили большое распространеніе такъ-называемые «рыцарскіе романы». Это былъ одинъ изъ самыхъ вредныхъ родовъ литературы, какой только можно себя представить. Авторы «рыцарскихъ романовъ» описывали приключенія разныхъ легендарныхъ героев и, въ погоню за большей эффектностью, нагромождали въ своихъ произведенияхъ столько всякаго фантастическаго вздора, что нельзя было въ романѣ найти ни складу, ни ладу, ни плана, ни связи. Мечтательная любовь и дикая чувственность, безразличность, предразсудки — все это тѣсно переплеталось въ рыцарскихъ романахъ вмѣстѣ съ великанами и карликами, чудовищами и чародѣями. Читающая публика того времени была настолько еще суевѣрна и наивна, что, сплошь и рядомъ, принимала всѣ эти розсказы за чистую монету и жадно глотала весь этотъ вздоръ.

Дѣло доходило до того, что въ концѣ среднихъ вѣковъ вся серьезная литература была совершенно заглушена этими романами. Это была какая-то умственная эпидемія, грозившая культурѣ и народному воспитанію серьезными послѣдствіями.

Молодежь уже не находила никакого удовольствія въ серьезной сторонѣ исторіи и въ здоровомъ научномъ чтеніи и страстно увлекалась лишь этими фантастическими созданіями распушеннаго воображенія. Даже мало того: рыцарскіе романы извращали самый духъ народа, потому что вмѣстѣ того, чтобы внушать идеи и понятія нравственнаго характера, они только разжигали низменные инстинкты, распушенность и наклонность къ дикимъ ссорамъ и дракамъ и безмысленнымъ авантюрамъ.

Особенно сильно сказались эти послѣдствія въ Испаніи, гдѣ рыцарство пустило глубокіе корни. Въ этой же странѣ впервые были признаны лучшими умами и вредъ отъ распространенія рыцарскихъ романовъ. Многія уважаемыя лица (Луи де Граната, Мельчiorъ Кано, Бенито Аріасъ Монтано и др.) возвысили голосъ противъ этого «позорища литературы». За ними выступило и законодательство: король Карлъ декретомъ запретилъ всѣмъ вице-королямъ, судьямъ и намѣстникамъ новаго свѣта дозволить печатаніе, продажу и чтеніе рыцарскихъ романовъ. Въ 1555 г. королевскіе кортесы, засѣдавшіе въ Вальядолидѣ, рѣшительно потребовали такого запрещенія, оправдывая эту мѣру опасностью подобныхъ произведеній для юношества.

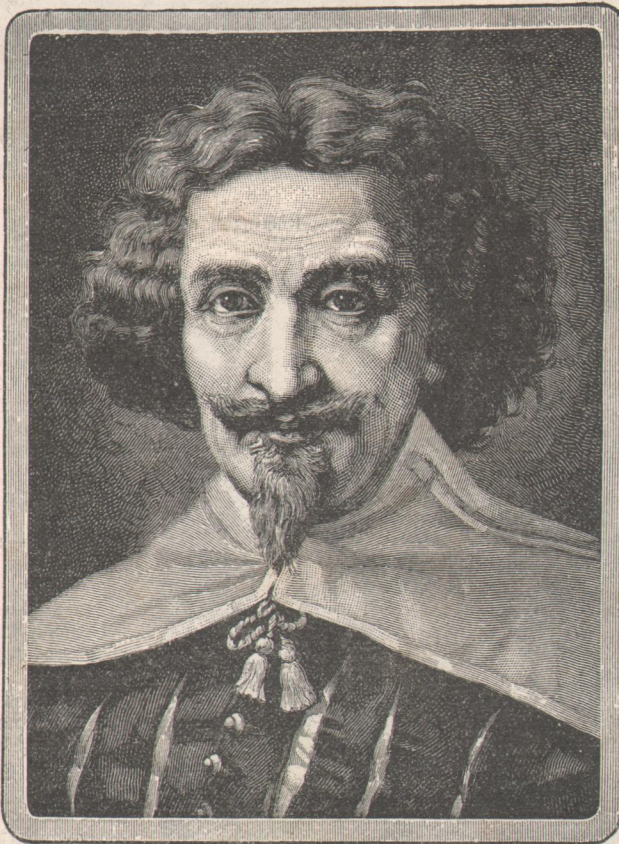
Но, несмотря на всѣ эти пожеланія и декреты, рыцарскіе романы продолжали благополучно выходить въ свѣтъ, и какъ народъ, такъ и образованное общество продолжали съ наслажденіемъ читать эти запрещенныя книги, и даже самъ король Карлъ, издавшій противъ нихъ грозный декретъ, упивался чтеніемъ «Бельяниса Грасіана» — одного изъ сумасброднѣйшихъ романовъ.

Но то, чего не смогли сдѣлать декреты и ходатайства многихъ выдающихся людей, сразу было сдѣлано остроумнымъ романомъ Сервантеса. Этотъ писатель, полное имя котораго — Мигуэль Сервантесъ Сааведра, — родился въ 1547 году въ городкѣ Алькальдѣ Тенаресѣ. Стремленіе къ творчеству проявилось въ немъ еще съ дѣтства, а первая его произведенія появились въ печати около 1570 года. Это были 6 небольшихъ стихотвореній. Дальнѣйшая жизнь Сервантеса полна замѣчательныхъ приключеній. Онъ при-

нялъ дѣятельное участіе въ войнѣ, которая была введена Венеціанской республикой съ турецкимъ султаномъ Селимомъ II, и въ 1571 году получилъ тяжкія раны во время морскаго сраженія и потерялъ способность дѣйствія рукой, которая осталась некалѣченной на всю жизнь.

По окончаніи войны, въ 1575 г. Сервантесъ попалъ въ рабство къ нѣкому греческому ренегату, алжирскому корсару, и послѣ неоднократныхъ попытокъ къ бѣгству и новыхъ тяжкихъ испытаній и мукъ лишь въ 1580 году получилъ свободу.

Послѣ того онъ снова состоялъ въ испанской военной службѣ въ качествѣ простаго солдата и воевалъ на Азорскихъ островахъ противъ Пріора Ократо — претендента на португальскій престолъ (испанскій король, Филиппъ II, хотѣлъ тогда подчинить Португалію испанской коронѣ).

Мигуэль Сервантесъ. Къ 300-лѣтію „Донъ-Кихота“.

Позднѣ Сервантесъ отдался мирной жизни, женился и переселился на жительство въ Мадридъ. Тамъ онъ принялъ большое участіе въ театральномъ предпріятіи и написалъ отъ 20 до 30 пьесъ для театра. Изъ нихъ до насъ дошли только двѣ: «Нуманція» и «Жизнь въ Алжирѣ». Нужно замѣтить, что до той поры писать для театра считалось предосудительнымъ, и Сервантесъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, пошедшихъ наперекоръ этому нелѣпому предразсудку.

Изъ Мадрида онъ потомъ перекочевалъ въ Севилью, занимаясь тамъ адвокатурой и много путешествовалъ по Испаніи. Въ періодъ времени между 1598 и 1603 годами Сервантесъ опять испыталъ нѣкоторыя превратности судьбы и даже побывалъ въ тюрьмѣ. Въ это же время онъ написалъ и свой знаменитый романъ. Скончался онъ въ 1616 году.

Сервантесъ создалъ довольно много литературныхъ произведеній. Кромѣ упомянутыхъ драмъ и комедій имъ были написаны: «Исторія каторжниковъ», «Испанцы въ Англии», пастушескій романъ «Галатея» и такъ-называемые «Нравственные разсказы» («Novelas ejemplares»). Но всѣ эти произведенія совершенно блѣднѣютъ предъ «Донъ-Кихотомъ».

«Съ появленіемъ «Донъ-Кихота» рыцарство умерло, а Сервантесъ сталъ безсмертнымъ», — говоритъ Эмиль Шаль, біографъ Сервантеса. Эти слова прекрасно характеризуютъ весь смыслъ и все

значеніе появленія знаменитаго романа. Сервантесъ однимъ ударомъ сразу погубилъ навсегда умственную эпидемію, охватившую народъ: «рыцарство», понимаемое тогда уже не въ лучшемъ основномъ своемъ значеніи, а въ смыслѣ нелѣпыхъ авантюръ и дикихъ предразсудковъ, навсегда умерло въ Европѣ, и для освобожденныхъ умовъ открылось поприще здравыхъ разсужденій и реальныхъ взглядовъ.

Сервантесъ поступилъ чрезвычайно просто и въ высшей степени остроумно: онъ рѣшилъ бороться противъ зла оружіемъ того же самаго зла. Для борьбы съ рыцарскими романами онъ написалъ тоже рыцарскій романъ, но только такого свойства, что, прочитавъ его, всякій получалъ уже навсегда отвращеніе къ чтенію настоящихъ рыцарскихъ романовъ. Сервантесъ достигъ этого результата сильно и вѣрно дѣйствующимъ средствомъ — острою насмѣшкой.

Побѣда, вылавшая на долю малоизвѣстнаго дотогѣ писателя, была такъ совершенна, что со времени появленія «Донъ-Кихота» не вышло уже ни одного рыцарскаго романа, и не было вновь издано ни одного изъ старыхъ! Произошло полное духовное обновленіе народа.

«Донъ-Кихотъ», какъ извѣстно, состоитъ изъ 2-хъ частей, появившихся въ свѣтъ спустя долгое время одна послѣ другой.

Первая часть была написана Сервантесомъ около 1604 года, и въ этомъ же году онъ получилъ королевскую привилегію для напечатанія своего романа. Послѣ этого нужно было, по обычаю времени, найти человѣка, который принялъ бы посвященіе себя этой книгѣ и взялъ бы ее подъ защиту. Выборъ Сервантеса остановился на герцогѣ Бехарскомъ, который сначала было отказался отъ посвященія, узнавъ, что Сервантесъ написалъ сатиру.

Но Сервантесъ испросилъ дозволеніе прочесть ему изъ своей сатиры хотя одну главу. Герцогъ согласился — и произошло нѣчто не-

ожиданное: восторг слушателей при чтении был так велик, что автор вместо одной главы должен был читать главу за главою, пока не окончил всей книги. Тогда герцог принял посвящение.

Роман Сервантеса (1-я часть) был выпущен в 1605 году в Мадрид, в типографии Жуана де-ла-Квеста. Это была книга в четвертую долю листа, имевшая 312 страниц. Успех ее был колоссальный. Сервантес говорит (во 2-й части «Донь-Кихота»), что книга его разошлась в количестве 30.000 экземпляров. В одном только 1606 году «Донь-Кихотъ» выдержал четыре издания, не считая безконечного количества перепечаток и переводов за границей—во Франции, Португалии, Италии и Фландрии. Спустя несколько лет, в Испании и в других странах не оставалось почти ни одного трактира, таверны, дырюльни или гостиницы, где не имлось бы истории «Донь-Кихота Ламанчскаго». В высшем обществе романом Сервантеса зачитывались совершенно с таким же неистовством, как в прежнее время рыцарскими романами.

Разсказывают, что король Филипп II однажды с балкона своего дворца увидя на берегу Мансареса студента, который читал какую-то книгу, постоянно прерывая свое чтение неудержимым смехом. Король тотчас же воскликнул: «Этот человек или дурак, или читает «Донь-Кихота». Королевское остроумие оказалось справедливым.

Нефтяной пожар на Волгѣ. По фот. авт. «Нивы».

Нефтяной пожар на Волгѣ. По фот. авт. «Нивы»

в смысле послѣдняго предположенія. Студент, дѣйствительно, читал романъ Сервантеса.

Вторая часть «Донь-Кихота» вышла в свѣтъ лишь в 1616 году, и такимъ образомъ, романъ этотъ писался болѣе 16 лѣтъ.

По свѣдѣнїямъ, добытымъ испанскими библиографами, в періодъ времени между 1605 и 1857 годами, в Испанїи было выпущено не менѣе 400 изданій «Донь-Кихота». Переводныхъ изданій этого произведенія было зарегистрировано: на французскомъ языкѣ—168, на англійскомъ—200, на итальянскомъ—96, на португальскомъ—80, на нѣмецкомъ—70. Было одно изданіе даже на латинскомъ языкѣ. У насъ в Россїи насчитывалось до 6 изданій, но это количество къ настоящему времени, конечно, увеличилось.

Въ эти цифры не вошли многочисленныя переводки «Донь-Кихота» въ видѣ драмъ, оперъ и балетовъ.

Перѣдко «Донь-Кихотъ» фигурировалъ и у живописцевъ.

Такова мощность таланта Сервантеса, питавшаго и питающаго донинѣ творческую фантазію различныхъ художниковъ.

Какъ смотрѣлъ самъ Сервантесъ на свое произведеніе и какое значеніе имѣетъ «Донь-Кихотъ» собственно для нашего времени?

Повидимому, Сервантесъ хотѣлъ написать только сатиру противъ рыцарскихъ романовъ. «Сочиненіе

это,—говоритъ онъ в предисловіи къ 1-й части «Донь-Кихота»,—не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы уничтожить авторитетъ и уваженіе, какимъ пользуются рыцарскіе романы у читающей публики и, вообще, на свѣтѣ. И въ предисловіи ко второй части Сервантесъ пишетъ: «У меня не было другого намѣренія, какъ возбудить отвращеніе людей къ живымъ и бессмысленнымъ сказкамъ, въ формѣ рыцарскихъ романовъ, значеніе которыхъ уже подорвано исторією моего «Донь-Кихота» и скоро должно пасть окончательно».

Но перо генія, какъ говоритъ Гейне, всегда выше его самого: оно захватываетъ гораздо болшую сферу, чѣмъ разсчитывалъ авторъ, и создаетъ нѣчто высшее.

Сервантесъ усмотрѣлъ своимъ творческимъ духовнымъ взоромъ особое, не подмѣненное еще ничѣмъ до него явленіе—и создалъ вѣчный, присущій всемъ вѣкамъ и народамъ типъ. Явленіе это давнымъ-давно названо «донь-кихотствомъ».

«Донь-кихотство» вообще свойственно природѣ и характеру человѣка. Оно прошло сквозь вѣка, и, вѣроятно, никогда не исчезнетъ изъ жизни. Подъ донь-кихотствомъ мы разумѣемъ, съ одной стороны, безпочвенную мечтательность, а съ другой—героическіе порывы человѣческаго духа въ такой обстановкѣ, которая не соотвѣтствуетъ такимъ порывамъ и не нуждается въ нихъ. Донь-кихотство связано

Нефтяной пожар на Волгѣ. По фот. авт. «Нивы».

съ полнымъ незнакомствомъ съ реальной жизнью: это—дѣятельность ума и сердца при незнаши дѣйствительной жизни, ея запросовъ и требованій. Это—дѣятельность людей, «упавшихъ съ луны» и не видящихъ ничего, что творится у нихъ подъ глазами.

И нужно ли доказывать, что такихъ упавшихъ съ луны людей не мало вездѣ и теперь, и что «рыцарь печальнаго образа» живъ, такимъ образомъ, и дониндѣ? Онъ живъ до сихъ поръ вмѣстѣ съ другимъ бессмертнымъ типомъ, созданнымъ Сервантесомъ—типомъ Санчо-Панса—этой реальной антитезой идеалисту Донъ-Кихоту.

«Донъ-Кихоть» одна изъ тѣхъ книгъ, которая невредимо проходитъ черезъ дебри вѣдъ, не теряя своей свѣжести и интереса для позднѣйшихъ поколѣній. Умъ и гсній Сервантеса стоятъ особенно въ условіяхъ мѣста и времени, и время надъ ними безсильно. Мы—люди XX вѣка—съ такимъ же удовольствіемъ читаемъ изумительныя похождения Донъ-Кихота и Санчо-Панса, какъ и наши предки 200—300 лѣтъ тому назадъ.

Можно съ полнымъ правомъ сказать, что чтеніе «Донъ-Кихота» дониндѣ входитъ какъ бы въ обязательную программу воспитанія. Это—одно изъ тѣхъ произведеній художественнаго гения, на которыхъ воспитывается нашъ литературный вкусъ, а также трезвость нашего воображенія и ясность понятій и умозаключеній и которыя помогаютъ намъ находить черты истиннаго рыцарства и героизма въ простой, будничной жизни.

«Донъ-Кихоть» представляетъ собою полный идеалъ книги, записанный Сервантесомъ: «Постарайтесь,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своему роману,—чтобы, читая вашу исторію, меланхоликъ разсмѣялся, смѣшливый человекъ еще болѣе развеселился, чтобы простой человекъ не соскучился, а развитой удивлялся бы вашей изобрѣтательности, чтобы серьезный не презиралъ ее, а осторожный похвалилъ бы». Эти слова какъ нельзя лучше характеризуютъ романъ Сервантеса.

Въ память возникновенія этого замѣчательнаго романа теперь и готовятся національныя торжества въ Испаніи. И, конечно, откликъ этимъ торжествамъ прозвучитъ по всей Европѣ—вездѣ, гдѣ «Рыцарь Печальнаго Образа» еще живъ и гдѣ все еще смѣются надъ нимъ и жалѣютъ его.

Уголь стѣны, окружающей Мукденъ.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Нефтяной пожаръ на Волгѣ. (Съ 3 рис. на стр. 350).

15-го марта произошелъ страшный пожаръ на Волгѣ, въ Муромскомъ затонѣ, близъ г. Нижняго-Новгорода. Загорѣлся огромный караванъ нефтяныхъ баржъ, зимовавшихъ въ этомъ затонѣ.

Катастрофа началась ночью. Загорѣлась на нефтекачкѣ Стахѣва (нефтекачка—наливная баржа съ приспособленіемъ для переливанія нефти въ пароходы). Какимъ образомъ возникъ огонь—осталось невыясненнымъ. На нефтекачкѣ, какъ и на каждой нефтяной баржѣ, имѣлись кое-какія огнегасительныя средства (ящики съ землей и пр.), и поэтому нѣкоторое время борьба съ огнемъ велась довольно успѣшно, и пламя какъ будто совсѣмъ погасло. Но въ 4 часа утра оно вновь сразу выступило въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и притомъ настолько энергично, что люди, тушившіе пожаръ, еле успѣли убѣжать съ палубы. Нефтекачка вспыхнула, какъ костеръ, а отъ нея огонь перешелъ на сосѣднія баржи—нефтяныя и хлѣбныя,—и часа черезъ полтора весь огромный караванъ баржъ, плотно замерзшихъ во льду пустыннаго затона, былъ объятъ пламенемъ. Колоссальныя клубы чернаго, густаго дыма поднялись высоко къ небу вмѣстѣ съ огненными языками. Страшная картина пожара была ясно видна въ Нижнемъ-Новгородѣ, и отсюда немедленно выѣхала къ мѣсту катастрофы пожарная помощь.

Нужно знать, что такое представляетъ собою волжская нефтяная баржа, чтобы понять всю грандиозность пожара. Волжская нефтянка, это—огромное плоскородное судно, длиною до 50 и болѣе сажень, обыкновенно, деревянное и поэтому насквозь пропитанное нефтяными остатками (нефть наливается прямо въ баржу). Хотя нефтяные остатки загораются лишь при нагрѣваніи до извѣстнаго градуса, но зато, нагрѣвшись, вспыхиваютъ сразу, какъ керосинъ—и потому пропитанное и нагруженное ими судно представляетъ собою чрезвычайно опасный въ пожарномъ отношеніи матеріалъ.

Въ Муромскомъ затонѣ зимовало болѣе 25 такихъ баржъ, нагруженныхъ нефтью. Въ однѣхъ только баржахъ купца Солина было болѣе 200.000 пудовъ нефти, такъ что общее количество пудовъ горячаго матеріала, считая тутъ же и хлѣбныя баржи, было около милліона пудовъ. Легко представить себѣ теперь, какое море огня возникло въ затонѣ.

Баржи стояли почти вплотную одна къ другой; затонъ былъ, буквально, забитъ ими. Поэтому огонь сразу охватилъ все нефтянки и другія баржи, и, прежде чѣмъ подоспѣла помощь изъ города, онъ уже горѣлъ, какъ колоссальныя костры.

Нѣсколько выше баржеваго каравана въ томъ же затонѣ стоялъ караванъ пароходный (болѣе 60 пароходовъ). Оба каравана отдѣлились лишь узкимъ интерваломъ. Пароходамъ грозила страшная опасность, тѣмъ болѣе, что они были поставлены еще тѣснѣе, чѣмъ баржи. Вывести ихъ изъ затона было, конечно, невозможно: они, какъ и баржи, плотно замерзли во льду и даже, вопреки существующимъ правиламъ, не обрубались.

Чтобы спасти пароходы, въ интервалѣ между караванами поставили щитъ, обитый кошмами и парусами, и обильно смачиваемый водой. Сосѣднія баржи были прорублены: пробовали потопить ихъ, но онѣ, плотно застрявши во льду, не тонули. Положение было критическое, но, къ счастью, къ 6 часамъ вечера переѣхались вѣтеръ, и опасность миновала: пароходный караванъ, представлявшій собою огромную цѣнность (до 2½ милліоновъ рублей), уцѣлѣлъ.

Но зато баржевый караванъ совершенно погибъ. Сгорѣло болѣе 50 баржъ, плодучій холерный госпиталь и нѣсколько маленькихъ судовъ, и были затоплены 3 парохода. Общій убытокъ опредѣляется въ 1½ милліона руб. Пожаръ продолжался весь день 15-го марта, всю слѣдующую ночь и даже утро 16-го марта. Отъ огромнаго каравана судовъ остались одни только дымящіеся днища.

Муромская катастрофа обнаружила много крупныхъ безпорядковъ въ волжскомъ рѣчномъ хозяйствѣ. Затонъ оказался совершенно забитымъ судами, разставленными безъ всякаго смысла и порядка. Нефтяныя

баржи почему-то оказались среди хлѣбныхъ; интерваловъ между баржами не было. Не было налицо и достаточнаго количества противопожарныхъ средствъ.

Въ результатъ—гибель цѣлой флотиліи баржъ и страшная, жуткая картина пожара, надолго остающаяся въ памяти у того, кто былъ очевидцемъ ея.

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.

VII. Новая вѣсти.

По мѣрѣ наступленія темноты огни пожаровъ становились ярче. Картина производила гнетущее впечатлѣніе. Въ ней чувствовалось что-то стихійное, вслѣдствіе парившей кругомъ мертвой тишины.

Къ деревнѣ Янсытунъ мы свернули на дорогу вправо. Отступавшіе полки прошли, и кругомъ не было ни души. Посланные впередъ ординарцы скрылись изъ вида. Горящая деревня, фанзы которой среди огня казались необыкновенно высокими, будто отходила отъ насъ при нашемъ приближеніи. Необыкновенное освѣщеніе укорачивало разстоянія.

Наконецъ мы стали подходить къ горящей деревнѣ, миновавъ маленькую кумирню, подобную тѣмъ, которыя во множествѣ разсыпаны по всему Китаю и ставятся обыкновенно у окраины каждой деревни. Издали она, на фонѣ пожара, долго казалась намъ большой фанзой.

Мы вошли въ широкую пустынную улицу. Я хотѣлъ закурить папироску, но Лешъ меня остановилъ.

Эта часть деревни еще не была захвачена огнемъ. Горѣла сѣвѣро-западная часть, а главнымъ образомъ, большимъ костромъ, горѣли интендантскіе склады, какъ потомъ оказалось.

Дойдя до небольшой открытой площадки мы остановились, чтобы

Осмотреться. Впереди к западу и с боков—море огней, а сзади, со стороны Мукдена—мрак.

— Вот там горит наш Падынтай,—сказал Лешь, показывая пальцем:—и Матурань...

Но пожар этих деревень за 14 верст уже мог бы виден лишь по одному зареву. Еще дальше, в Даваньганьлу, в это время горели склады 2-й армии.

Сколько перемен произошло за шесть дней нашего похода на восток.

Когда мы пошли дальше, в ближайшей горящей деревни ярко блеснула на мгновение громадная вспышка. Через минуту повторилось то же самое. Мы не могли подыскать этому объяснения, и Лешь даже думал, что это условный сигнал.

— Надо быть осторожнее,—сказал он.

Перед нами неожиданно выросла конная фигура.

Всадник и Лешь одновременно окликнули друг друга.

— Кто идет?!

Конный узнал полковника по голосу и по росту.

— Это вы, ваше высокоблагородие?..

— Ты откуда?

— Так что, ваше высокоблагородие, тут за деревней появился японский разъезд...

Он указал в темную сторону к Мукдену.

— Где же он теперь?

— Ускакали. Мы на их наткнулись, окликнули — они и ускакали... пять человек...

— Ну и пускай скачут. А вы не стреляйте, тревоги не подымать. Ты ординарец?

— Так точно...

— Пофжай и узнай, что там вспыхнуло сейчас. Ты видишь?

— Так точно, видишь.

— Узнай и доложи мне...

Ординарец ускакал. Мы пошли дальше.

Признаться сказать, прогулка по таинственной деревни, где на каждом шагу могли находиться притаившиеся за забором японские разведчики, не представляла ничего привлекательного. Утешением было разве только то, что едва ли они стали бы стрелять и подымать тревогу.

Около одной фанзы, у которой горела гаюлиновая изгородь, возился китаец, выносивший из дверей свои пожитки.

Дальше мы увидели через дворь другую фанзу, освещенную внутри. На дворь ходили какие-то люди. Из опроса это оказались казаки летучей почты.

— Что же вы теперь тут делаете?—спросил полковник.

— Да ничего не делаем. Не было такого приказа, чтобы нам уходить, мы и находимся здесь.

Как свидетелей всего происшедшего, Лешь стал их расспрашивать. Из их слов оказалось, что все деревни зажжены нами.

— А где же японцы?

— Разъезды их тут близко рыскают, а пехотные части не подходили. Только что вот в той деревни, мы были за хатбонь, и видели каких-то людей. Рассмотреть в темноте не было возможности, а по ухваткам не должны быть китайцы... прятались...

— А кто тут в фанзе?

— Какой-то генерал сидит.

Мы поспешили войти в фанзу и с удивлением увидели командующего дивизией генерала Довборь-Муницкого. Он был здесь один, если не считать трех китайцев, хозяев фанзы.

Неподвижно сидевших на противоположном канфе. Сам генерал сидел на канфе у окна, облокотившись на маленький столик, перед разложенной на нем картой, освещенной красной китайской свечой.

— А я вас ожидаю, полковник,—обратился он к Лешу.

Они стали по карте распределять роты. Прискакал ординарец, посланный полковником в соседнюю деревню, и доложил, что вспышки были от загорывающегося спирта. Он видел группу японцев, которые разжигали горючий склад.

Выходило, что японцы, от которых мы жгли свое добро, еще сами помогали нам в этом.

Приехал еще один ординарец и доложил, что вправо, т. е.

приблизительно к югу, он японцев не встретил, и что второй форт находится не менее, как в *четыре* верстах от деревни, в которой мы находились.

Генерал и полковник рѣшили в виду отдаленности его не занимать. Одного полка на такой растянутой фронт было мало.

— Прикажете вести батальоны,—сказал генерал.

Ординарец был послан к полку.

Я пошел в другую половину фанзы, занятую солдатами.

— Нѣтъ, зачѣм они жгли!—доносился голос Леша.—Разрѣшите, ваше превосходительство, и все, что не успѣло еще сгорѣть, я вывезу или вынесу до утра. В Мукденѣ тысячи свободных арб... Вѣдь такіа зрѣлища портят дух людей...

— Конечно, конечно, пускай забирают, что увидѣло,—согласался генерал.

В соседней половине хозяйничали три казака и два ординара генерала. Они пили чай из китайских чашек. Старик-китаец, съ съдой бородкой и усам*), трясущимися от страха руками подавал солдатам кипяток, который он согрѣвал на очагѣ под каномъ. Теперь он уюждал русскимъ, а через нѣсколько часовъ будетъ такъ же трястись передъ японцами.

Запахъ поджареннаго на пожарѣ хлѣба казался очень аппетитнымъ. Ни въ этотъ день на вокзалѣ, ни наканунѣ мнѣ не пришлось пообѣдать. Сол-

дать на мою просьбу отломилъ краюху руками, отъ гриза такого же цвѣта, какъ и хлѣбъ. Китаецъ съ поклонами подалъ мнѣ чашку чая. Сахара не было. У меня въ карманѣ нашелся кусочекъ шоколаду, которымъ пришлось подѣлиться съ моимъ соседомъ-солдатомъ, и мы стали ужинать.

Время шло томительно долго. Я перешелъ опять в большую половину фанзы. Три китайца попережнему сидѣли, какъ приговоренные къ смерти. Лешь сидѣлъ, облокотившись на столикъ, надъ картами и не пошевелился при моемъ появлении. Довборь, сидя на канѣ, прислонился къ перегородкѣ и спалъ. Передъ нимъ стояла недопитая чашка чая. Мы были страшно утомлены в этотъ день, но куда отдыхъ еще не предвидѣлся. Неизвѣстность окружающей обстановки томила нервы. Ухо невольно прислушивалось къ малѣйшему шороху за бумажными окнами фанзы. Каждую минуту неприятельскій разъездъ, привлеченный свѣтомъ, могъ явиться во дворъ фанзы, в которой сидѣли генералъ и полковникъ, самолично вышедшіе на рекогносцировку.

— Надо еще осмотрѣть форты,—тихо сказал Лешь, вставая съ кана.—Пойдемъ.

Мы вышли на дворъ. Справа на довольно близкомъ разстояніи, не болѣе версты, горѣлъ громадный костеръ, котораго раньше на этомъ мѣстѣ не было.

— Это непременно японцы,—сказал Лешь:—больше никому. Нашихъ тамъ быть не можетъ.

Что-жъ, послали за батальономъ?—обратился онъ нетерпеливо къ подошедшему ординарцу.

— Такъ точно, поѣхалъ. Барташовъ поѣхалъ.

— Что-жъ они не идутъ, чортъ побери!.. Поѣжай и скажи батальону командиру, чтобы шли немедленно! Надо занимать окопы!.. Понялъ?..

— Такъ точно, понялъ.

Ординарецъ вселочилъ на лошадь и исчезъ въ темной улицѣ. Мы стали пробираться въ противоположную сторону.

При свѣтѣ пожара, форты можно было хорошо осмотрѣть. Онъ былъ рассчитанъ на одну роту.

Впереди деревни должны были еще находиться окопы.

Лешь захотѣлъ ихъ также осмотрѣть лично.

В передней деревни у большого костра видны были какія-то подозрительныя фигуры. Мы обошли передовую линію деревни и вернулись въ среднюю улицу. Одинъ батальонъ уже прибылъ и темной массой занималъ всю ширину улицы.

Размѣщеніе частей заняло часа два. Другой батальонъ былъ направленъ для занятія соседней деревни вправо, а одинъ остался въ резервѣ.

Изъ высланныхъ впередъ секретовъ скоро было донесено, что неприятельскіе дозоры показались впереди постовъ. Людямъ при-

Генералъ Линевицъ встрѣчаетъ прибывшій 15-го февраля на лѣвый флангъ 1-й стрѣлковый Его Величества полкъ. Прохождение пулеметовъ. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

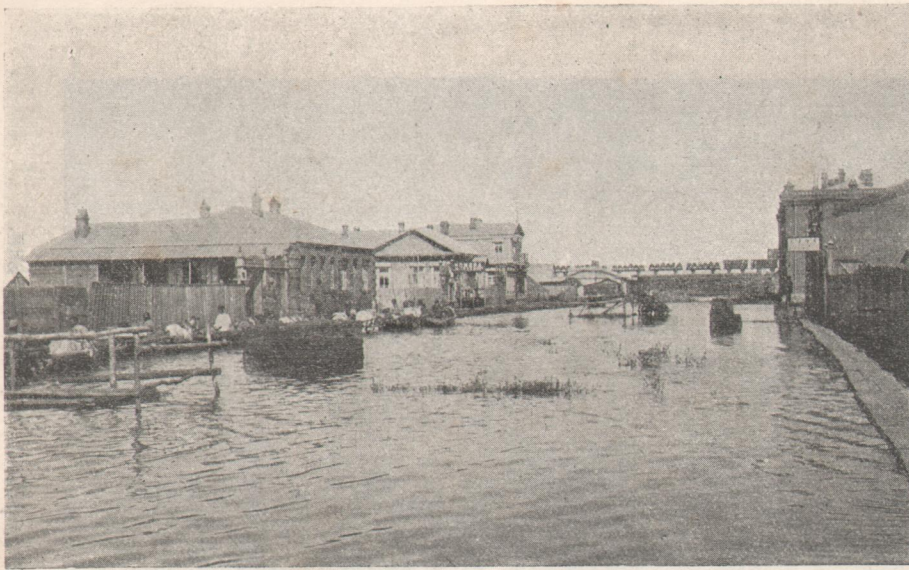

У императорскихъ могилъ, близъ Мукдена. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

*) Китаецы перестаютъ брить усы и бороду лишь послѣ 40 лѣтъ.

Мукденский бой. Наступление правого фланга от башни Хауха 21-го февраля. Атака деревни через застыи.
Рисунок нашего специального корреспондента В. А. Табурина, авт. «Искры».

Харбинь во время наводнения. По фот. авт. «Нивы».

казано было сохранять тишину, въ окопахъ вести очередь отдыхающимъ и всѣмъ быть на-готовѣ.

Къ разсвѣту ждали наступления.

Но... черезъ полчаса все измѣнилось. Всѣ распоряженія были отмѣнены. Это была уже третья отмѣна.

Размѣстивъ свой полкъ, Лешь вернулся къ фанзѣ, гдѣ находился генераль Довборъ. Онъ былъ уже на дворѣ съ нѣсколькими офицерами его штаба, которые только теперь его отыскивали. Выслушавъ докладъ полковника, онъ сѣлъ на лошадей и шагомъ выѣхалъ на дорогу, сказавъ названіе деревни, гдѣ онъ будетъ ночевать.

Мы посмотрѣли на часы. Три часа.

— До ночлега ли ужъ тутъ,—промолвилъ Лешь.—Въ пять часовъ подымется тревога. Не мѣшало бы все-таки прилечь,—здумчиво добавилъ онъ.—Тутъ дымомъ пахнетъ, да и сторишь, пожалуй.

Мы вспомнили, что, не доходя деревни Янсытунъ, еще до темноты мы видѣли негорѣвшую маленькую деревню, влѣво отъ дороги. Туда мы и рѣшили направиться, завидувъ генералу и его офицерамъ, которые поѣхали верхомъ.

Но только-что мы вышли за ворота, какъ изъ темноты послышался знакомый голосъ.

— Ваше высокоблагородіе! садитесь!..

Кучерь-гатаинъ Мустафа догадался пріѣхать за нами съ колыской...

Мы были несказанно рады и покатили по темной улицѣ. Мустафа, имѣвшій способность видѣть ночью, какъ кошка, пустил лошадей полной рысью. Скоро мы обогнали генерала, который ѣхалъ шагомъ.

— Ваше превосходительство, позволите обогнать? — спросилъ Лешь.

— Ахъ, пожалуйста!—отвѣтилъ генераль.

Мы пожелали другъ другу спокойной ночи и опередили кавалькаду. Деревня съ прибытіемъ войскъ уже потеряла свою таинственность. По дорогѣ попадались патрули, которые осматривали фанзы и закоулки. Полковникъ ихъ окликалъ.

Еще мы не выѣхали изъ деревни, какъ навстрѣчу намъ проскакалъ всадникъ и, не останавливаясь, крикнулъ:

— Лешь, это вы? Остановитесь!

По голосу мы узнали полковника Новосельскаго.

— Ну, значить узнаемъ что-нибудь новое,—сказалъ Лешь и велѣлъ Мустафѣ ѣхать шагомъ.

Появленіе Новосельскаго, дѣйствительно, всегда сопровождалось какой-нибудь новою интересною вѣстью. Онъ всегда былъ въ курсѣ дѣла, и если не было новостей, то любой очередной вопросъ онъ умѣлъ своеобразно освѣтить и сдѣлать новымъ и интереснымъ. Живой и пылкій по натурѣ, онъ, появляясь среди офицеровъ, всегда оживлялъ и подымалъ общее настроеніе.

Нашу коляску догналъ ординарецъ.

— Ваше высокоблагородіе, ихъ превосходительство васъ просятъ.

Лешь вышелъ изъ коляски и направился обратно. Я предпочелъ остаться сидѣть, отчасти изъ-за уста-

лости, а отчасти, чтобы не быть излишне любопытнымъ.

Группа всадниковъ скоро приблизилась. Лешь торопливо вскочилъ въ коляску, и мы опять рысью поѣхали впередъ.

— Ну, будетъ буря,—началъ онъ, не дожидаясь моего вопроса:—а куда,—добавилъ онъ,—я ровно ничего не понимаю...

— Въ чемъ же дѣло? Какія вѣсти принесъ Новосельскій?

— Какія вѣсти? А вотъ какія. Намъ приказано отступить обратно къ Мукдену...

Я даже привскочилъ на мѣстѣ.

— Но вѣдь мы и теперь только въ 7 верстахъ отъ Мукдена.

— Ничего не знаю, приказано отступить до разсвѣта и стать у полотна дороги... Ноги насъ обходятъ... но въ главной квартирѣ очень довольны этимъ обстоятельствомъ... Онъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, и теперь наша задача его окружить... Надо ждать очень интересныхъ операцій...

Кучерь, не дожидаясь, повернулъ къ темной деревнѣ. Оказывается, поручикъ Дашкинъ какъ разъ ее и выбралъ для нашего ночлега. Выѣхавъ въ темную деревню, Мустафа направилъ экипажъ къ фанзѣ, гдѣ свѣтился огонекъ. Тутъ уже были денщики и готовили самоваръ. У дверей встрѣтилъ насъ поручикъ Дашкинъ и объявилъ, что лучшей фанзы нѣтъ во всей деревнѣ. Дѣйствительно, фанза оставляла желать многого. Бумага въ окнахъ была прорвана, кань поломаны, и топить ихъ не было возможности, отчего въ фанзѣ такой же морозъ, какъ и на дворѣ.

Лешь послалъ сейчасъ же за командиромъ пулеметной роты, позіція для которой еще не было опредѣлена, а Дашкину велѣлъ писать распоряженія командирамъ объ отводѣ частей до разсвѣта, не сообщая объ этомъ солдатамъ раньше времени.

Явившемуся командиру пулеметовъ приказано было поставить ихъ впереди деревни, въ которой мы помѣстимся.

— Подъ вашей защитой,—прибавилъ Лешь:—мы по крайней мѣрѣ отдохнемъ часокъ.

Но ни уснуть, ни отдохнуть не пришлось ни на минуту. Мы легли на жесткіе глиняные кань, на которыхъ не было даже цыновокъ, у открытыхъ оконъ, въ которыхъ дулъ морозный вѣтеръ, и дрожали весь короткій остатокъ ночи. На дворѣ о чемъ-то спорили ординарцы. Лешь ихъ останавливалъ нѣсколько разъ и наконецъ приказалъ приставить къ нимъ часового, чтобы онъ слѣдилъ за тишиной.

Потомъ оказалось, что ординарцы, не желая оставлять японцамъ цѣннаго добра, уничтожили на пожаръ изрядное количество брошеннаго спирта.

VIII. Въ бой.

Въ окна еще едва пробивался свѣтъ, когда кто-то вошелъ въ фанзу и объявилъ, что роты уже оставляютъ окопы, и головная прошла по дорогѣ, мимо нашей деревни.

— Что же они раньше насъ уходятъ! Замедлить отходъ! Пустить впередъ пулеметы!—крикнулъ Лешь, вставая съ кана.

Черезъ минуту мы всѣ были на ногахъ. Одѣваться не пришлось, такъ какъ мы лежали не раздѣваясь, лихорадочная дрожь пронизывала все тѣло, которое отъ жесткаго лежанья казалось избитымъ. О чаепитіи и мытьѣ нечего было и думать. Приготовленная въ фанзѣ вода замерзала.

Отдѣленіе русско-китайскаго банка въ Харбинѣ. По фот. авт. «Нивы».

На дворѣ Мустафа, съ винтовкой за плечами, уже возсѣдал на своихъ козлахъ. Полковникъ и я сѣли въ коляску, а Дашкинъ верхомъ поспкагалъ отдавать распоряженія.

Вѣднѣ въ утреннемъ туманѣ, вдали догорали костры пожаровъ. По дорогѣ полковникъ заѣхалъ къ командующему дивизіей, а когда батальоны подтянулись, мы двинулись дальше.

Къ 8-ми часамъ утра 1-й полкъ уже стоялъ бивакомъ въ полѣ, на разстояніи версты отъ линіи желѣзной дороги. Дулъ сильный морозный вѣтеръ съ пылью, но разбивать палатокъ не было разрѣшено. Ждали внезапнаго приказанія сняться съ бивака. Солдаты, утомленные безсонной ночью, въ полномъ снаряженіи ложились на мерзлую землю и дремали. Офицерамъ, несмотря на все ихъ желаніе отправиться на станцію и погрѣться въ буфетѣ, запрещено было отлучаться отъ полка.

Между тѣмъ, съ юга доносилась *близкая* канонада. Обыкновенно съ позицій на Шахъ за станціей Суятунь канонада не была слышна. Близость ея въ этотъ день приводила всѣхъ въ недоумѣніе. Намъ еще неизвѣстно было, что станція Суятунь уже очищена. День тянулся въ томительномъ ожиданіи. Кто-то вспомнилъ, что сегодня 19-е число — полугодовой день бомбардировки станціи Ляоянь—19-е августа. Къ вечеру, съ запада, какъ разъ оттуда, гдѣ мы стояли ночью, раздались орудійные выстрѣлы, и въ небѣ засверкали шрапнели. Скоро канонада стала ожесточенной...

Въ Мукденѣ въ это время уже чувствовалось тревожное настроеніе. Какой-то офицеръ, пріѣхавшій отсюда, рассказывалъ намъ, что отдѣленіе Китайскаго банка утромъ собралось выѣзжать, но по приказанію главнокомандующаго было остановлено. Этотъ же офицеръ заходилъ въ одинъ магазинъ и хозяинъ-грекъ простодушно спросилъ его:

— Скажите пожалуйста, когда японцы придутъ въ Мукденъ?

— А вотъ поговорите съ жандармомъ,—отвѣтилъ офицеръ и позвалъ въ магазинъ жандарма.

Однако, въ этотъ же день многіе торговцы уже успѣли выѣхать изъ города.

Между тѣмъ, среди офицеровъ, благодаря полученнымъ извѣстіямъ изъ главной квартиры, настроеніе, наоборотъ стало самымъ радужнымъ.

Положеніе дѣлъ обрисовывалось въ слѣдующемъ видѣ:

Генералъ Ноги сдѣлалъ рискованный шагъ, отдѣлившись отъ арміи. Противъ него главнокомандующій уже на правомъ флангѣ успѣлъ сосредоточить 132 батальона противъ его 62-хъ, и операціи окруженія его уже начались. 1-й корпусъ входилъ въ составъ этихъ силъ и оставшіеся въ резервѣ полки должны съ минуты на минуту ждать своего назначенія. Въ общемъ положеніе дѣлъ считалось въ высшей степени для насъ выгоднымъ.

Но наступали сумерки, канонада на западѣ все усиливалась, а 1-й полкъ продолжалъ стоять въ резервѣ.

Ночью, вопреки распоряженію свѣше, полковникъ Лешъ разрѣшилъ измученнымъ до крайней степени солдатамъ разбить палатки.

Соображеніе очень простое и естественное. Если собираніе палатокъ составляетъ расчетъ во времени, то не меньшая потеря времени будетъ при движеніи людей, обезсиленныхъ безсонной ночью подъ ледянымъ вѣтромъ. Къ тому же, людямъ 1-го полка за все время похода съ 12-го февраля едва ли удалось уснуть какъ слѣдуетъ хотя на одну ночь.

Нѣкоторые офицеры ночевали также въ палаткахъ, а кое-кому удалось устроиться въ ближайшей деревнѣ, но трудно рѣшить, что хуже: палатка или разбитая холодная фанза?

Командиръ Владивостокской крѣпости, генераль-лейтенантъ Г. Н. Казбекъ и его штабъ на парадѣ, по прибытіи во Владивостокъ. По фот. авт. «Нивы».

При какихъ условіяхъ пришлось устроиться лично мнѣ—я не помню. Весь день меня колотила лихорадка. Полковой врачъ Вигелевъ далъ мнѣ лѣкарства, а къ ночи меня отвели въ какую-то фанзу. Я помню только жесткій канъ, свой собственный бредъ и прикосновеніе спины сосѣда-офицера, который также былъ боленъ и, какъ рассказывалъ мнѣ потомъ, мы обоюдно согрѣвали другъ друга.

Утромъ изъ тяжелаго забытѣя вывелъ меня знакомый голосъ Мустафы.

— Ваше высокоблагородыѣ, хотытѣ ѣхать — садитесь, фазтонъ стойтъ.

— А полкъ ушелъ?

— Конечно ушелъ, что онъ насъ будэтъ дожидаться... Полковникъ приказалъ сказать: хатытѣ ѣхать въ Мукденъ—поѣзжаты въ Мукденъ, хатытѣ ѣхать за полкомъ—поѣзжаты за полкомъ. Какъ хатытѣ.

— А куда двинули полкъ?

— На китайскы императорскы могилы...

Лихорадка продолжала еще меня мучить, но разстаться съ полкомъ именно теперь, когда онъ пошелъ въ бой, было бы непослѣдовательно.

— Хорошо, Мустафа, поѣдемъ сейчасъ. А вещи мои цѣлы?

— Конечно цѣлы... и сказать, что будутъ цѣлы. Зачѣмъ я буду обманывать.

Черезъ пять минутъ мы катили по пыльному полю между безчисленныхъ обозовъ. Съ запада гремѣла канонада. Нашъ путь по компасу шелъ какъ разъ на сѣверъ. Хотя могилы лежатъ и въ сторонѣ отъ линіи желѣзной дороги—версты на три, но самая дорога въ этомъ мѣстѣ сильно сворачиваетъ вправо, т. е. къ востоку, обходя могилы.

Полкъ еще не дошелъ до могилъ и стоялъ бивакомъ въ полѣ. Тутъ же расположились какіе-то другіе полки, російскіе, присоединенные къ нашему отряду. Начальство ждало какихъ-то приказаній свѣше.

Вблизи чернѣли фанзы разоренной деревушки, куда я направился, чтобы скрыться отъ вѣтра. Въ ближайшей фанзѣ лежали офицеры 3-го батальона. Всѣ были уставши и нѣкоторые спали.

Черезъ часъ раздалась команда «въ ружье». Батальоны построились и двинулись къ могиламъ. Здѣсь въ основной рощѣ, не доходя стѣнъ кладбища, опять привалъ на полчаса. Затѣмъ опять команда «въ ружье», но отсюда колонны двинулись уже не дорогами, а долинами и оврагами, чтобы скрыть свое движеніе. Неприятель предполагался уже близко. Между тѣмъ, мы въ окрестностяхъ не встрѣтили ни одного нашего коннаго развѣзда, ни одного всадника.

Отъ могилъ путь лежалъ на западъ къ башнѣ Хауха. Положеніе ея—къ сѣверо-западу отъ Мукдена приблизительно въ четырехъ верстахъ разстояніи.

Она своимъ видомъ очень напоминаетъ Ляоянскую башню, только меньше ея размѣрами, но зато сама стоитъ на бугрѣ.

Здѣсь войска остановились. Разрѣшено было разводитъ костры, но не раскидывать палатокъ—отсюда должны были начаться боевыя операціи. При нашемъ приходѣ тутъ уже стояли какіе-то полки, а слѣва, фронтомъ къ западу, стрѣляла батарея. Справа выѣхала на позицію и устанавливалась другая батарея.

Офицеры поднялись на горку и направились къ башнѣ, гдѣ видѣлось много фигуръ. Оглядѣть мѣстность въ сторону неприятеля съ высоты бугра было интересно, и я, несмотря на болѣзнь, закутанный съ головою въ полушубокъ, поѣлъ на горку.

На парадѣ по поводу прибытія генераль-лейтенанта Г. Н. Казбека во Владивостокъ. Прохожденіе экипажа съ крейсера «Новикъ». По фот. авт. «Нивы».

Подполк. 283 бузуньскаго пѣх. полка П. И. Березневъ, раненый 15 февраля; удерживалъ съ октября до октября отступленія Берсеневскую сторону, названную въ его честь.

Подполковникъ 283 бузуньскаго пѣх. полка А. Ф. Блесе, раненый 15 февраля.

Капитанъ 10 восточно-сибирскаго стрѣльцоваго полка А. С. Дьбенко, убитый при дер. Бенсикху 29 сентября 1904 г.

Капитанъ 88 пехотнаго петровскаго полка Н. А. Богдановъ, раненый въ бою подъ Шаха.

Капитанъ 215 бузуньскаго пѣх. полка В. А. Черепневъ, оставшился на полѣ сраженія въ бою подъ Ляономъ.

Капитанъ 2 восточно-сибирскаго стрѣльцоваго полка С. П. Мерчуновъ, раненый 21 августа подъ Ляономъ и скончавшился отъ ранъ.

Шт.-кап. и полковой адъютантъ 138-го пѣх. болговскаго полка Н. Н. Озеровъ, контуженный у Солни съ деревомъ при деревнѣ Сахонь.

Шт.-капит. 124 воронженскаго пѣх. полка П. И. Мерадовъ, раненый подъ Муденюмъ 28 февраля.

Шт.-кап. 97-й диндялскаго пѣх. полка Д. М. Михайловъ, убитый 22 февраля подъ Муденюмъ.

Шт.-капит. 315 адигерскаго батальона Н. Г. Стрелковскій, раненый 17 августа подъ Ляономъ и скончавшился отъ ранъ.

Шт.-кап. 34 вост.-сиб. стр. полка Л. В. Назаревскій, раненый въ январьскихъ бояхъ.

Шт.-кап. 100 островскаго пѣх. полка В. И. Знаменскій, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Муденюмъ.

Подъесауль 2 дагестанскаго полка Л. Ф. Перисидскій, убитый Фазулла-Мирза-Каджаръ, раненый 14 января.

Поручикъ 9 вост.-сиб. стр. полка Г. Ф. Дорожниковъ, убитый въ бою подъ Ляономъ.

Подпоручикъ 3 сиб. нерчинскаго пѣх. полка И. М. Гудиль, раненый въ бою подъ Нашини.

Поручикъ 12 великокняжескаго полка В. Юльневъ, контуженный въ бою при штурмѣ дер. Лшину.

Подпор. 218 борисогльбскаго пѣх. полка П. И. Каленинъ, раненый во время уличной реконструкции 14 февраля.

Поручикъ 5 восточно-сибирскаго артиллерійскаго бригады В. А. Шиманскій, убитый 14 февраля.

Поручикъ 29 артиллерійскаго бригады Н. М. Петровъ, убитый въ бою подъ Муденюмъ 25 февраля.

Подпоручикъ 146 царичинскаго пѣх. полка П. Д. Александровъ, убитый въ послѣднихъ бояхъ подъ Муденюмъ.

Подпоручикъ 147 самарскаго пѣх. полка Н. М. Попуховъ-Ивановъ, раненый подъ Муденюмъ и награжден орд. св. Анны.

Подпоручикъ 33 елецкаго пѣх. полка В. И. Макадоновъ, убитый въ бою подъ Ляономъ.

Подпоручикъ 139 моршанскаго пѣх. полка Е. М. Бронскій, оставшиися на полѣ сраженія.

Корнетъ 52 нѣжинскаго драгунскаго полка А. А. Фрейдта, награжденный за храбрость орд. св. Анны 4-й ст. и Стан. 3-й ст.

Подпоручикъ 97 диндялскаго пѣх. полка П. Е. Назаревъ, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Муденюмъ.

Подпоручикъ 36 вост.-сиб. стр. полка Л. В. Есединовъ, убитый 21 февраля подъ Муденюмъ.

Подпоручикъ 7 кирсановскаго сибирскаго полка В. В. Власовъ, убитый въ послѣднихъ бояхъ подъ Муденюмъ.

Подпоручикъ 8 томскаго сиб. стр. полка П. А. Шахъ, раненый въ бою у дер. Сайдаутунъ и вернувшись въ строй черезъ 3 недѣли.

Башня имѣетъ высокой поколь. Чтобы подняться на него, солдаты набросали въ видѣ ступенекъ нѣсколько мѣшковъ съ горохомъ, которыхъ кругомъ валялось во множествѣ. Грота такихъ же мѣшковъ была сложена на первомъ выступѣ башни. На этой грядѣ стоялъ командующій второй арміей генералъ Каульбарсъ. Понизе, прямо на выступѣ, стояли генералы: Герингроссъ, Бринкенъ, де-Виттъ и др. Подальше и понизе сгруппировались офицеры штабовъ и строевые. Свѣжій и элегантный видъ первыхъ сильно отличалъ ихъ отъ вторыхъ.

Всѣ смотрѣли на западъ, гдѣ съ перваго взгляда ничего не было замѣтно, кромѣ сѣрой равнины и чернѣющей вдаль деревни.

— Вы видите идущія цѣпи?—спросилъ меня знакомый офицеръ генеральнаго штаба.

Но это можно было рассмотреть только въ бинокль. Сѣрыя фигуры на сѣромъ фонѣ рѣдкими цѣпами медленно двигались къ деревнѣ. За первой цѣпью слѣдовала вторая. Они были уже довольно близко къ деревнѣ, но оттуда не слышно было ни одного выстрѣла.

— Что это значитъ?—спросилъ я.

— Деревня уже занята нами утромъ, а теперь къ нимъ идутъ подкрѣпленія. А чтобы грѣхъ не подвергнуться обстрѣлу неприятельской артиллеріи и поменьше обращать на себя вниманія, они идутъ цѣпами.

Группы бродили и стояли у башни до сумерекъ. Солдаты тѣмъ временемъ разбирали мѣшки съ горохомъ, чтобы они не пропали даромъ.

Кругомъ башни, подъ горкой, было нѣсколько фанзъ, разоренныхъ и холодныхъ. Офицеры стали искать себѣ ночлега, но большинство домовъ уже были заняты начальствомъ и штабами.

Съ полковникомъ Лешомъ я столкнулся только вечеромъ. Онъ сейчасъ же меня устроилъ въ фанзѣ, занятой штабомъ дивизіи, у полковника Новосельскаго.

Во время нашего разговора къ намъ подошелъ поручикъ 4-й роты Карлстедтъ, милый офицеръ, недавно пріѣхавшій въ армію, котораго я зналъ еще въ Петербургѣ. Въ свободную минуту онъ любилъ со мною болтать и повѣрять мнѣ свои тайны.

— Поручикъ, — обратился къ нему Лешъ: — поухаживайте за больными.

— Охотно, господинъ полковникъ. Вѣдь это я васъ сегодня грѣлъ, — обратился онъ ко мнѣ: — да и самъ отъ васъ грѣлся — мнѣ что-то нездоровилось.

Лешъ эту ночь рѣшилъ спать въ палаткѣ среди своего полка, а мы пошли въ фанзу. Костры уже горѣли кругомъ, но топлива хватало далеко не на всѣхъ. Два какихъ-то солдата пришли къ полковнику Новосельскому и стали просить разрѣшенія сломать для этой цѣли одинъ пустой домъ.

— Хорошо, что просите разрѣшенія, — отвѣтилъ полковникъ. — Валийте, да смотрите кого-нибудь не придавите.

Эта фанза стояла рядомъ съ нашей. Черезъ полчасе ея не существовало.

У офицеровъ былъ приготовленъ ужинъ. Раньше поѣсть за этотъ день еще не пришлось. На столѣ былъ сыръ, ветчина, бутылка рома и стоялъ котелокъ съ горячими шами изъ походной офицерской кухни. Тарелокъ не было, и супъ разливали въ кружки. Потомъ изъ этихъ кружекъ пили чай. Горячей воды было мало, мытые кружки являлись роскошью не по средствамъ, а потому чай былъ жирный и сильно отзывался шами со свѣжей капустой. Полковникъ Новосельскій, какъ любезный хозяинъ, совѣтовалъ, въ виду этого, сдѣлывать его ромомъ. Смѣсь получилась болѣе сложная и другого вкуса, но никто не рѣшился утверждать, что она сдѣлалась лучше.

Въ фанзѣ было очень холодно. Каны поломаны, бумага въ окнахъ прорвана, а очаги совершенно разворочены. Рѣшили развести костеръ посреди фанзы. Тепло не стало, но помѣщеніе наполнилось дымомъ, который, къ счастью, скоро вышелъ въ открытыя окна. Эту затѣю бросили и стали ложиться спать.

Карлстедтъ легъ рядомъ со мной. Пока я пилъ чай, онъ изъ присланныхъ полковникомъ Лешомъ полушубковъ сдѣлалъ мнѣ мягкую постель и сталъ меня укутывать, какъ младенца.

Штабные долго разговаривали. Завтрашняя операція уже заранѣе считалась блестящей. Увѣренность въ успѣхъ была полна.

Полученная диспозиція заключалась въ слѣдующемъ:

Въ 6 часовъ утра выступить и идти на деревни Цуанванчи и Ташичао *).

*) Не смѣшивать со станціей Ташичао.

широкимъ фронтомъ. На лѣвомъ флангѣ у насъ 9-я дивизія нашего корпуса, а справа отрядъ полковника Запольскаго.

Такимъ образомъ армія Ноги, отрѣзанная съ юга, должна броситься на насъ, и въ концѣ концовъ окажется окруженной. Впрочемъ, не совсѣмъ окруженной, потому что путь черезъ Ляохъ въ Монголію оставался свободнымъ...

Говорили, что этимъ дѣломъ долженъ рѣшиться жребій войны. Японцы пошли ва-банкъ, и этимъ боемъ должна закончиться кампанія.

Эти радостныя надежды пріятно волновали воображеніе. Казалось, что настаетъ, наконецъ, день, когда слово «побѣда», слово, которое стало будто лишнимъ и упраздненнымъ, можно будетъ произносить громко.

Такъ рисовалось дѣло въ штабахъ. На картахъ бой былъ уже разыгранъ, и офицеры генеральнаго штаба самодовольно потирали руки. Ихъ роль на этомъ кончалась...

Теперь дѣло было за войсками. На ихъ долю оставалось только одно — *побѣдить*.

— Вы не спите?—шопотомъ спросилъ меня Карлстедтъ.

— Нѣтъ.

— Хорошо они говорятъ, только отъ ихъ словъ до дѣла огромное разстояніе...

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что какъ бы хорошо было, если бы завтра они были тамъ... во время боя. На картахъ они собаку съѣли и могли бы руководить движеніемъ частей. Тогда ни одна бы часть не опоздала, ни одна бы не заблудилась.

— Да, это было бы хорошо, — согласился я.

— Кромѣ того я хотѣлъ вамъ сказать, что меня мучитъ какое-то тяжелое предчувствіе.

— Полноте...

— Я не знаю, что это такое, но думаю, что завтра я буду убитъ... Положимъ, къ этому долженъ быть готовъ каждый изъ насъ, строевыхъ, и я готовъ... Завтра нарочно поѣду впередъ.

— Лучше засните.

— Не могу... Ставицкій, вы его знаете, ужъ въ какомъ огнѣ былъ подъ Хуанлатодзе и живъ остался, и былъ увѣренъ, что его не убьютъ. У меня у самого такое чувство, какъ сегодня — въ первый разъ...

Карлстедтъ лежалъ съ открытой головой, не

смотря на то, что изъ окна дулъ морозный вѣтеръ. Онъ досталъ нортсигаръ, положилъ около себя спички и сталъ курить папиросу за папиросой...

Гундаулинъ
28 марта.

В. Табуринъ.

Праздникъ вѣротерпимости.

(Съ 5 рис. на стр. 357, 358 и 359).

17-е апрѣля 1905 года останется навсегда памятнымъ въ исторіи русскаго народа: это день торжества свободы совѣсти и вѣротерпимости въ Россіи, день величайшей радости для многомилліонной массы кореннаго русскаго населенія, подвергавшагося въ теченіе долгихъ десятковъ и даже сотенъ лѣтъ преслѣдованіямъ и поношеніямъ за вѣру и молитву не по обрядамъ и правиламъ господствующей церкви, а по своимъ собственнымъ обрядамъ и ученіямъ.

17-е апрѣля, пришедшееся какъ разъ на первый день Пасхи текущаго года, принесло имъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры, полное прекращеніе какихъ бы то ни было преслѣдованій и ограниченій и уравнило ихъ въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній съ остальнымъ полноправнымъ православнымъ населеніемъ Имперіи.

Въ знаменательномъ Именномъ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату сказано:

«Въ постоянномъ, по завѣтамъ предковъ, общеніи со святою православною церковью, неизмѣнно почерпая для Себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвы по вѣльіямъ его совѣсти». Начавшись этими прекрасными словами, Указъ даетъ далѣе цѣлый рядъ повелѣній, болѣе тѣснымъ образомъ устанавливающихъ тѣ «начала вѣротерпимости», которыя были намѣчены еще въ Указѣ 12-го декабря 1904 года.

Между прочимъ, Указъ о вѣротерпимости гласитъ слѣдующее: «Отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское непо-

вѣданіе или вѣроченіе не подлежит преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій».

«Лица, числящіеся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристианскую вѣру, къ которой до присоединенія къ православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ».

Затѣмъ Указъ повелѣваетъ «присвоить наименованіе «старообрядцевъ», взаменъ нынѣ употребляемаго названія «раскольниковъ», всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые приѣмлютъ основные догматы церкви православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое Богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ». Указъ разрѣшаетъ далѣе избраннымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ «настоятелямъ» и «наставникамъ», т. е. духовнымъ ихъ лицамъ, свободное отправленіе духовныхъ требъ, какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ случаяхъ. Сектанты и старообрядцы уравниваются въ правахъ съ лицами инославныхъ вѣроисповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ. Распечатываются всѣ молитвенные дома сектантовъ и старообрядцевъ, запечатанные нѣкогда администраціей. Наконецъ, Указъ обращаетъ вниманіе на узаконенія о ламаихахъ и возвращаетъ именовать ихъ «идолопоклонниками и язычниками».

Таково въ краткихъ словахъ содержаніе этого замѣчательнаго Указа, проникнутаго любовью и стремленіемъ установить въ Россіи чистую атмосферу свободы человеческого духа и создать братскія отношенія между людьми, вѣрующими къ своему

Единовѣрческая церковь на Рогожскомъ кладбищѣ.

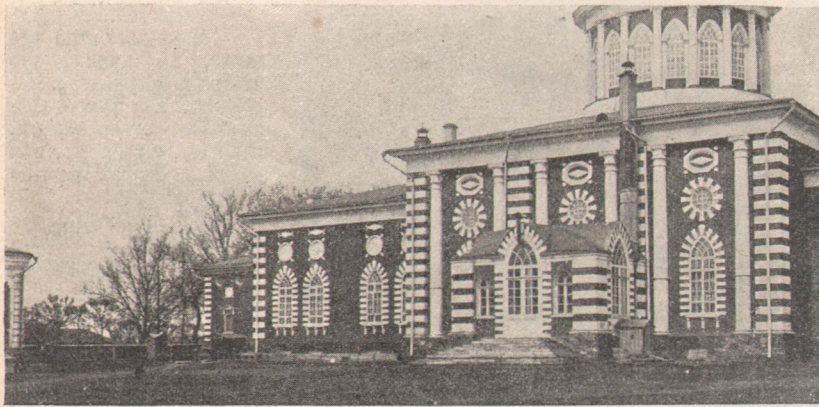
обрядцамъ-поповцамъ было отведено для погребенія умершихъ мѣсто за Покровскою заставою и дозволено было построить тамъ часовню для отпѣванія умершихъ. Въ 1804 году на этомъ мѣстѣ имѣлось уже три каменныхъ храма, весьма богато обставленныхъ, и къ Рогожскому кладбищу тяготѣлъ почти весь московскій старообрядческій міръ: кладбище насчитывало до 20.000 прихожанъ. Къ 1825 году число ихъ увеличилось до 68 тысячъ, а самое кладбище представляло собою уже настоящій городъ: въ его оградѣ были возведены: пріютъ для призрѣваемыхъ, сиротскій домъ, училище для «подкидышей», зданія кладбищенской конторы, канцеляріи, библиотеки и архива, и нѣсколько домовъ частныхъ владѣльцевъ — богатыхъ купцовъ-старообрядцевъ.

Церковныя требы исполнялись тамъ такъ-называемыми «обгвствующими священниками» — старообрядцами поповскаго толка. Но это сравнительно блестящее состояніе Рогожскаго кладбища продолжалось лишь до воцаренія императора Николая I и до изданія имъ запретительныхъ указовъ о «обгвствующихъ попахъ». Съ появленіемъ этихъ указовъ служить на Рогожскомъ кладбищѣ стало некомъ, и оно начало быстро приходить въ упадокъ. А потомъ послѣдовали и другія крутыя мѣры противъ старообрядцевъ и, наконецъ, въ злополучный для кладбища день 7-го іюля 1856 года, на Рогожское кладбище явилась полиція и опечатала всѣ «раскольничьи алтари», наложила печати на двери старообрядческихъ храмовъ и заколотила даже окна въ зимнемъ храмѣ кладбища.

Въ краткій періодъ между 1881 и 1884 гг. рогожскимъ старообрядцамъ разрѣшено было пригласить священниковъ австрійскаго рукоположенія и совершать полное богослуженіе на походныхъ алтаряхъ, поставленныхъ на амвоѣ. Но потомъ и эти алтари были сняты, австрійскіе священники были изгнаны, и рогожскіе храмы, запечатанные московскими полицейскими чиновниками, окончательно пришли въ запустѣніе и упадокъ.

Древніе храмы, полные рѣдкостныхъ старинныхъ иконъ, хранящіе цѣнные воспоминанія сѣдой старины, оставались «запечатанными» и заброшенными, и дивные національные религиозные памятники тѣбли и гнили внутри ихъ, не радуя ничьихъ взоровъ.

Среди старообрядцевъ, какъ говорятъ, существовало любопытное повѣрье, что «Николай опечаталъ — Николай и отпечатаетъ»... Такъ именно и случилось.

Зимній храмъ (Покровскій) на Рогожскомъ кладбищѣ.

Ярче и пышнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, было отпраздновано «торжество вѣротерпимости» въ Москвѣ. Радостно встрѣтили нынѣшнюю Пасху московскіе старообрядцы, имѣющіе, какъ извѣстно, на Рогожскомъ кладбищѣ свои старинные храмы, оставшіеся запечатанными около 50 лѣтъ. Царская милость стала имъ извѣстна еще за день до 17 апрѣля:

Его Величество Государь Императоръ Высочайше соизволилъ 16 апрѣля отправить московскому генералъ-губернатору слѣдующую телеграмму:

«Повелѣваю въ сегодняшний день наступающаго Свѣтлаго праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовенъ московскаго Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ церковныя службы.

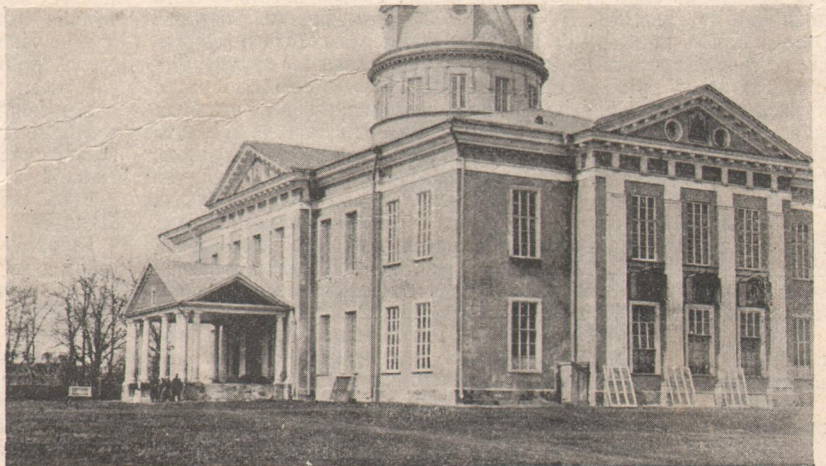
«Да послужитъ это столь желанное старообрядческимъ міромъ снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ Моего довѣрія и сердечнаго благоволенія къ старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью Престолу. Да благословитъ и умудритъ ихъ Господь съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ Русской Православной Церкви возсоединить ихъ съ нею и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только Церковь».

НИКОЛАИ.

На Рогожскомъ кладбищѣ наступилъ 16 и 17 апрѣля истинный «праздниковъ праздникъ».

Это знаменитое кладбище, именуемое на официальномъ языкѣ «Рогожскимъ богадѣленнымъ домомъ», представляетъ собою центръ московской общины старообрядцевъ-поповцевъ и имѣетъ уже вѣковую исторію.

Основаніе кладбища относится къ 1771 году, когда, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ чумы, старо-

Лѣтній храмъ (Крестовоздвиженскій) на Рогожскомъ кладбищѣ.

16-го апрѣля къ московскому градоначальнику были вызваны кладбищенскіе выборные, и имъ была объявлена радостная вѣсть: — Въ 4 часа будутъ открыты алтари!

Эта вѣсть облетѣла весь старообрядческій міръ Москвы и привлекла на Рогожское кладбище множество народа. И, действительно, къ 4 часамъ дня туда прибыли кн. Голицынъ, флигель-адъютантъ Шереметевъ и градоначальникъ генераль-майоръ Волковъ, и съ амвона въ лѣтнемъ храмѣ были прочитаны знаменательный указъ о вѣротерпимости и распечатаніи алтарей.

На присутствующихъ старообрядцевъ этотъ указъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. А затѣмъ наступили не менѣе потрясающія и торжественныя минуты самого «распечатыванія».

Застучалъ молотокъ, отбивавшій замки южной двери лѣтняго храма (ключи были уже давно утрачены!). Прошло нѣсколько мгновений напряженного ожиданія — и, вотъ, грузныя двери открылись, и взорамъ присутствующихъ предстала внутренность «запечатлѣнной» церкви.

Тамъ была пустота и тѣнь, но многое изъ старой обстановки еще сохранилось: сохранились старинныя иконы, два великопѣльных Евангелія и нѣкоторые облаченія. Зато стѣнная живопись совершенно погибла подъ плѣсенью, покровы истлѣли, иконы кое-гдѣ упали, а на полу виднѣлись скелеты голубей и галокъ, случайно залетѣвшихъ сюда и погибшихъ отъ голода.

Вслѣдъ затѣмъ были открыты Царскія врата и сѣверныя двери, и комиссія прошла къ зимнему храму. Тамъ былъ мракъ, потому что окна зимняго храма оказались забытыми, и пришлось распечатывать алтарь этого храма уже при свѣчахъ. Зимній храмъ представлялъ внутри картину печальнаго разрушенія: всюду валялись обломки, полъ провалился, иконы, свѣчи и утварь были покрыты густымъ слоемъ пыли, и многія драгоценнѣйшія иконы оказались совершенно погибшими.

По окончаніи церемоніи распечатыванія алтарей, въ лѣтнемъ храмѣ состоялось молебствіе, а затѣмъ началась спѣшная уборка храма къ предстоящей пасхальной заутренѣ. При этой уборкѣ присутствовало множество народа, и многіе брали «на память» разныя старыя обрывки, клочки и обломки...

Праздничное богослуженіе протекло необычайно радостно и задумчиво. «Теперь и у насъ храмъ! Теперь и у насъ полная служба!» — говорили обрадованные и растроганные старообрядцы.

Для Рогожскаго кладбища наступили отрадныя дни. Несомнѣнно, что теперь этотъ могущественный оплотъ московскаго старообрядчества процвѣтетъ пынѣе прежняго. Нужно замѣтить, что старообрядцы Рогожскаго кладбища составляютъ самый богатый классъ среди московскихъ староверовъ, и, вообще, представляютъ собою крупную коммерческую и общественную силу: среди нихъ числятся извѣстнѣйшіе московскіе купцы, фабриканты, банкиры и общественныя дѣятели.

Упомянемъ, ксати, что рогожскіе старообрядцы внесли огромную лепту въ дѣло призрѣнія больныхъ и раненыхъ въ нынѣшней войнѣ: на Рогожскомъ кладбищѣ организованъ превосходный лазаретъ для раненыхъ (въ богадѣленномъ домѣ), устроенный по образцу лучшихъ заграничныхъ клиникъ. Лазаретъ снабженъ всевозможными принадлежностями комфорта и больничной гигиены, отличается образцовой чистотой и порядкомъ и, по справедливости, составляетъ гордость Рогожскаго кладбища.

Старообрядцы и единовѣрцы всей Россіи немедленно отозвались на царскую милость трогательными благодарственными телеграммами и благодарственными молебствіями. Изъ Москвы 18 апрѣля выѣхала въ Петербургъ даже особая депутация отъ старообрядцевъ для принесенія Государю Императору благодарности. А среди прихожанъ Рогожскаго кладбища возникла мысль объ увѣковѣченіи дня 17 апрѣля постройкою инвалиднаго дома для воиновъ, потерявшихъ на войнѣ способность къ труду.

Невольно вспоминается теперь чудный рассказъ Н. С. Лѣскова, «Запечатлѣнный Ангелъ»: не символизируетъ ли старинная икона ангела, грубо обезображенная рукою невѣжественнаго чиновника, все наше старообрядчество? Национальная красота народнаго духа, глубокая многовѣковая религіозность, восторженная, искренняя любовь къ своей родной старинѣ — всѣ эти драгоценныя черты народнаго духовнаго образа, словно дивныя черты старинной иконы Ангела, были «запечатлѣны», обезображены и принижены грубою властью полицейской администраціи. Старообрядцевъ предавали позору и гоненіямъ, обезличивали ихъ, отбирали у нихъ и портли священные предметы и безличныя старинныя иконы, клеймили ихъ обиднымъ названіемъ «раскольниковъ». Образъ Божій въ много-

миліонной части русскаго народа клеймился прожигающей печатью, уродовавшей чистыя, глубоко-національныя черты.

Но теперь, слава Богу, всѣ эти печальныя времена прошли! Старообрядчество и господствующая православная церковь соединены братскими узами, и съ лица запечатлѣннаго Ангела навсегда снята обезображивавшая его печать.

Спорный нейтралитетъ. (Политическое обозрѣніе).

Появленіе въ Китайскомъ морѣ эскадры адмирала Рожественскаго и мѣсячная почти остановка его въ ожиданіи подхода отряда судовъ адмирала Небогатава возбудили много чрезвычайно острыхъ и жгучихъ дипломатическихъ вопросовъ. Первая всполошилась Японія, заподозрѣвшая Францію въ нарушеніи нейтралитета на томъ основаніи, что, будто бы, она дала временный пріютъ судамъ адмирала Рожественскаго въ Камранской бухтѣ. Сколько именно времени простояла русская эскадра въ тихой гавани Камрана для нагрузки угля съ собственныхъ угольныхъ транспортовъ и приближалась ли она за черту трехмильного разстоянія отъ береговой полосы, опредѣляемую французскими правилами нейтралитета — все это донныи остается неустановленнымъ. Мы не знаемъ, былъ ли здѣсь нарушенъ нейтралитетъ или нѣтъ, не увѣрена въ этомъ и сама японская дипломатія, но уже одинъ тотъ фактъ, что угрожающая Японіи эскадра находится какую бы то ни было опору во французскихъ портахъ, приводитъ въ дикое бѣшенство и японскихъ журналистовъ, и японскихъ дипломатовъ. Съ точки зрѣнія формальной, японскіе дипломатическіе протесты, разумѣется, не могутъ имѣть большой дѣны: какъ извѣстно, французскія правила нейтралитета были объявлены еще въ февралѣ прошлаго года и не выказали возраженій изъ Токио. Быть-можетъ, трехмильная полоса территориальныхъ водъ, установленная еще во времена паруснаго флота, съ приливной артиллеріей, слишкомъ незначительна для современныхъ паровыхъ гигантовъ, съ дальнѣйшими пушками, мечущими, сокрушительные снаряды на 15—18 верстъ, но объ этомъ слѣдовало говорить раньше, а не теперь, когда преимуществами устарѣлыхъ правилъ воспользовался русскій, а не японскій адмиралъ. Если японскія ноты и производятъ какое-либо воздѣйствіе на французское правительство, то конечно не своей логической аргументаціей, а возможностью какихъ-либо дальнѣйшихъ неприятныхъ осложненій. Такими осложненіями открыто грозитъ японская печать, призывающая свое правительство къ наложенію «амбарго» на французскіе суда и товары, стоящіе въ японскихъ водахъ, т. е. къ захвату частной собственности французскихъ гражданъ и даже къ бомбардировкѣ французскихъ портовъ. Если бы международными отношеніями управляли не дипломаты, а азартные публицисты, войны, вѣроятно, никогда не прекращались бы на землѣ, но, къ счастью, человечества, между газетными угрозами и правительственными дѣйствіями «дистанція огромнаго размѣра». Не желая злоупотреблять гостепримствомъ французовъ, адмиралъ Рожественскій оставилъ Камранскую бухту и перенесъ свою стоянку къ Хангоу, постоянно крейсировавъ у Анамскихъ береговъ, и тѣмъ лишилъ Японію всякихъ формальныхъ поводовъ къ недовольству. Даже соединеніе эскадръ, о которомъ телеграфировали въ Парижъ изъ м. Подорана отъ 27 апрѣля, произошло въ открытомъ морѣ внѣ территориальныхъ водъ. Судамъ адмирала Рожественскаго не могло быть отказано въ нагрузкѣ угля въ размѣрахъ, необходимыхъ для перехода къ ближайшему національному порту, и въ стоянкѣ для снабженія провiantомъ, ибо французскія правила воспрещаютъ только снабженіе въ нейтральныхъ портахъ боевыми припасами и вербовку экипажа. Какъ бы ни кричала англо-японская печать, Франція, вѣроятно, не нарушитъ, ради спокойствія союзныхъ журналистовъ, своихъ собственныхъ правилъ нейтралитета и по отношенію къ новоприбывшей эскадрѣ адмирала Небогатава. Болѣе всего въ фальшивое положеніе ставитъ Японію курьезный, обнародованный въ телеграммахъ изъ Лондона, фактъ снабженія русскихъ судовъ японскими углемъ, доставленнымъ на пароходахъ прямо изъ Нагасаки. Если уже сама воюющая сторона занимается поставками на враждебную эскадру, то можно ли требовать отъ чужого правительства болѣе строгости въ контролѣ за поставщиками, чѣмъ отъ своего собственнаго? Англо-японская дипломатическая кампанія противъ Франціи можетъ считаться уже поконченной, такъ какъ твердый образъ дѣйствій г. Делькассе начинаеть встрѣчать явное одобреніе и въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ и въ серьезныхъ

Лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

органах английской прессы. Сверхвшившимся соединением эскадр спорный вопрос отодвигается въ прошлое, ибо трудно думать, что, получив такое значительное подкрѣпление, нашъ энергичный адмиралъ будетъ попрежнему крейсировать около Анама, а не подвинется ближе къ Японіи и Владивостоку. Бомбардировать индо-китайскіе порты Франціи Японія въ настоящую минуту не имѣетъ физической возможности за отсутствіемъ свободныхъ судовъ, такъ какъ всѣ наличныя силы ей нужны для борьбы съ подкрѣпленной эскадрой Рождественскаго. Секвестръ частныхъ французскихъ судовъ оказался бы, пожалуй, еще болѣе рискованнымъ, потому что вся Европа и Америка единодушно возстанутъ на защиту принципа неприкосновенности частной собственности въ своихъ интересахъ. Такимъ образомъ, съ этой стороны нашей союзницѣ не угрожаетъ никакая опасность. Несравненно серьезнѣе угроза всеобщимъ бойкотомъ французской торговли, который предложила токійская торговая палата. Хотя каждый покупатель приобретаетъ товары тамъ, гдѣ они дешевле и лучше, тѣмъ не менѣе, при общемъ подъемѣ патриотическихъ чувствъ, даже неудачный бойкотъ все-таки можетъ принести французскимъ торговцамъ нѣкоторый убытокъ. Можно утѣшиться только тѣмъ, что вмѣстѣ съ французскими продавцами при этомъ пострадаютъ и японскіе потребители, вынужденные изъ патриотизма покупать товары низшаго достоинства по высшей цѣнѣ. Совсѣмъ какъ въ извѣстной поговоркѣ: («по дѣлomu моему старикъ, если я себѣ пальцы отморожу: зачѣмъ онъ не купилъ мнѣ перчатокъ!»)

Европейское общественное мнѣніе могло бы, кажется, спокойноѣ относиться ко всей этой бурѣ въ стаканѣ воды. Что ему Гекуба международнаго права, что ему законы о нейтралитетѣ? Вѣдь оно совершенно спокойно и хладнокровно смотрѣло, какъ въ нейтральной корейской гавани Чемульпо японская эскадра разстрѣливала «Варяга», какъ въ нейтральной китайской гавани Чифу русскій разоруженный миноносецъ былъ захваченъ японскимъ—и съ своей стороны не предъявляло никакихъ протестовъ, а вѣдь все это непосредственныя военныя дѣйствія, передъ которыми кака-нибудь стоянка на трехмильномъ разстояніи или поставка угля—сущій вздоръ и пустяки. Почему же теперь, съ приближеніемъ къ китайскимъ портамъ русской эскадры, и Англія, и Америка поспѣшили прислать въ Тихій океанъ цѣлыя флотиліи для охраны китайскаго нейтралитета? Очевидно, что для нихъ важенъ не самый нейтралитетъ, важна только возможность устраивать, подъ предлогомъ нейтралитета, какъ можно болѣе затрудненій Россіи. Съ точки зрѣнія международной справедливости, нечего будетъ удивляться, если адмиралъ Рождественскій покажетъ на дѣлѣ, что нейтралитетъ не можетъ быть направленъ только противъ одной стороны и что нарушеніе нейтралитета имѣетъ кое-что общаго съ палкой о двухъ концахъ. Пора намъ отдѣлаться отъ лицемѣрныхъ словъ и открыто считаться только съ фактами.

Н. С. Таганцевъ. (Портр. на этой стр.)

Изъ числа лицъ, призванныхъ въ послѣднее время на высокой постъ члена государственнаго совѣта, особое вниманіе обращаетъ на себя назначеніе первоприсутствующаго сенатора уголовнаго кассационнаго департамента Николая Степановича Таганцева.

Это чрезвычайно крупное приобрѣтеніе для государственнаго совѣта, особенно въ настоящее время проведенія сложныхъ законодательныхъ вопросовъ и незамѣнимая утрата для правительствующаго сената.

Превосходный юристъ, просвѣщенный и гуманный человѣкъ, Н. С. сочеталъ въ себѣ рѣдкій даръ выдающагося ученаго, неприхотнаго судьи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторитетнаго руководителя нашего верховнаго кассационнаго суда.

Въ качествѣ отца русскаго уголовнаго права — Н. С. учитель многихъ поколѣній нашихъ юристовъ. Да и тѣ, кому не выпала счастливая доля быть его непосредственными учениками, все-таки могутъ считать себя таковыми: извѣстные всѣмъ юристамъ труды Н. С. по уголовному праву—настоящая книга и для начинающаго студента, и для убоженнаго сѣдинами судьи.

Съ 1887 г. Н. С. посвятилъ свои рѣдкія знанія, свой ясный умъ, свою несравненную юридическую логику русскому правосудію. Въ теченіе тѣхъ девяти лѣтъ, когда ему приходилось работать какъ сенатору-докладчику, наша судебная практика обогати-

лась массою солидныхъ рѣшеній, написанныхъ Н. С. по серьезнѣйшимъ вопросамъ процессуальнаго и особенно матеріальнаго права. А съ 1896 г. на долю Н. С. выпала еще болѣе трудная задача — быть руководителемъ уголовнаго кассационнаго департамента, въ качествѣ его первоприсутствующаго. Съ этой сложной задачей онъ справился съ обычнымъ своимъ талантомъ.

Независимо отъ руководства департаментскими засѣданіями, посвященными обсужденію принципиальныхъ юридическихъ вопросовъ, независимо отъ наблюденія за теченіемъ кассационной практики всѣхъ отдѣленій департамента, Н. С. прилагалъ энергичныя усилія къ ускоренію движенія дѣлъ. Объ этомъ лучше всего скажутъ двѣ нѣмыя цифры: при вступленіи его въ должность первоприсутствующаго оставалось нерѣшенныхъ дѣлъ свыше двухъ съ половиною тысячъ, а къ моменту ухода его осталось нерѣшенными около пятисотъ дѣлъ. Теперь, когда предстоитъ введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія въ полномъ объемѣ, однимъ изъ главныхъ составителей котораго былъ Н. С., утрата его для сената не только чувствительна, но и незамѣнима.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить еще одно обстоятельство, имѣющее чрезвычайную важность. Въ тяжелые годы, когда уголовный судъ былъ орудіемъ преслѣдованія религиозныхъ убѣждений, сенатъ направлялъ всѣ усилія къ тому, чтобы смягчить, не отступая отъ смысла закона, его жестокою суровостю. Съ этимъ направленіемъ дѣятельности сената неразрывно связано имя Таганцева. Его имя связано и съ освободительнымъ актомъ 17 апрѣля, «когда пала великая историческая рознь», когда въ дѣйствительности каждый получилъ право славословить Бога по убѣжденію своей совѣсти. Въ качествѣ знатока судебныхъ раскольничьихъ дѣлъ Н. С. приглашался въ засѣданія комитета министровъ для обсужденія вопросовъ о вѣротерпимости. И старообрядчество можетъ принести Н. С. свою искреннюю признательность и благодарность и пожелать нашей страждущей странѣ побольше такихъ носителей правды и любви. Этимъ же пожеланіемъ можетъ быть сопровождена и новая дѣятельность Н. С. Таганцева.

СМѢСЬ.

Справочный листокъ С.-Петербургскаго Почтамта.—С.-Петербургскимъ Почтамтомъ въ настоящее время выпущено чрезвычайно цѣнное по своей практичности изданіе: «Справочный листокъ С.-Петербургскаго Почтамта».

«Листокъ» этотъ представляетъ собою очень изящно изданную и отпечатанную складную книжечку и содержитъ въ себѣ рѣшительно всѣ свѣдѣнія, касающіяся почты: порядокъ отправления писемъ, бандеролей, посылокъ, таксы, образцы заявленій, правила, выдержки изъ законоположеній и пр. Въ «Листкѣ» содержится свѣдѣніе обо всѣхъ нововведеніяхъ, принятыхъ въ С.-Петербургскомъ Почтамтѣ при нынѣшнемъ почтъ-директорѣ Е. Н. Чапанинѣ, о новомъ порядкѣ приема заказной корреспонденціи (при посредствѣ почталюновъ), о доставкѣ на домъ денежной корреспонденціи и посылокъ и пр. Здѣсь же мы встречаемъ и крайне важныя и цѣнныя въ настоящее время выдержки изъ «общаго положенія о почтовой корреспонденціи на имя воинскихъ чиновъ, адресованной въ дѣйствующую армію».

Навѣрное, большинству изъ насъ приходилось не разъ терпѣть неудобства отъ незнакомства съ какимъ-либо изъ почтовыхъ правилъ. А такъ какъ разыскать ихъ въ специальныхъ уставахъ и положеніяхъ не такъ-то легко и не всегда удобно знакомиться съ ними на почтѣ у заваленныхъ работой чиновниковъ, то мы, обыкновенно, и не пытаемся ознакомиться съ ними. Книжечка, изданная С.-Петербургскимъ Почтамтомъ, стремится дать намъ подробный сводъ всѣхъ правилъ и свѣдѣній и этимъ легко и просто избавляетъ насъ отъ напрасной траты времени.

Остается добавить, что «Листокъ» изданъ съ благотворительной цѣлью: сборъ съ него идетъ на образованіе училища для малолѣтнихъ дѣтей чиновъ С.-Петербургскаго Почтамта.

Стоимость «Листка»—всего 5 копеекъ. Слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія этому полезному изданію.

Приятно видѣть, вообще, что при нынѣшнемъ управленіи почтовымъ дѣломъ въ Петербургѣ, С.-Петербургскій Почтамтъ стремится доставить публикѣ дѣйствительныя удобства и услуги. Это очень рѣдкое явленіе въ мірѣ нашей администраціи, далеко не всегда багующей публику такими услугами и заботами о ней.

Н. С. Таганцевъ.
По фот. авт. «Нивы».

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волченко. Повесть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе).—«Рыцарь Печальнаго Образа».—Нефтяной пожаръ на Волгѣ.—На бойкѣ.—Смѣсь.—Объявленія.

РИСУНКИ: «Голова въ желтомъ платочкѣ».—Терраса.—Строжайшій нейтралитетъ.—Бороженъ-цыганка.—Мигуэль Сервантесъ.—Нефтяной пожаръ на Волгѣ. (3 рис.).—Уголь стѣны, окружающей Мукденъ.—Генералъ Линевицъ встрѣчаетъ прибывшій 15-го февраля на лѣвый флангъ 1-й стрѣлковой Его Величества полкъ.—У императорскихъ могилъ, близъ Мукдена.—Мукденскій бой. Наступленіе праваго фланга отъ башни Хауха 21-го февраля.—Харбинъ во время наводненія.—Отдѣленіе русско-китайскаго банка въ Харбинѣ.—Командиръ Владивостокской крѣпости, генералъ-лейтенантъ Г. Н. Назбенко и его штабъ на парадѣ, по прибытіи во Владивостокъ.—На парадѣ по поводу прибытія генералъ-лейтенанта Г. Н. Назбенко во Владивостокъ.—Подполковникъ П. И. Берсенева.—Подполковникъ А. Ф. Блезе.—Капитанъ А. С. Лѣсенко.—Капитанъ н. А. Богдановъ.—Капитанъ В. А. Чередѣевъ.—Капитанъ С. П. Мерчуговъ.—Штабъ-капитанъ н. Н. Озеровъ.—Штабъ-капитанъ И. И. Ивановъ.—Штабъ-капитанъ Л. М. Михайловъ.—Штабъ-капитанъ Н. Г. Страдомскій.—Штабъ-капитанъ Л. В. Назаревскій.—Штабъ-капитанъ В. И. Знаменскій.—Подъесаулъ персидскій принцъ Фазулла-Мирза-Каджаръ.—Поручикъ І. Ф. Дорожинскій.—Подпоручикъ И. М. Гулидъ.—Поручикъ В. Кульневъ.—Подпоручикъ П. И. Напелинъ.—Поручикъ В. А. Шиманскій.—Поручикъ Н. М. Петровъ.—Подпоручикъ П. Д. Александровъ.—Подпоручикъ Н. М. Полсуевъ-Ивановъ.—Подпоручикъ В. И. Макадоновъ.—Подпоручикъ Е. М. Бронскій.—Корнетъ А. А. Фрейнгау.—Подпоручикъ П. Е. Низяевъ.—Подпоручикъ Л. В. Ездюковъ.—Подпоручикъ Б. В. Власовъ.—Пралорщикъ П. А. Шахтъ.—Рогожское кладбище въ Москвѣ: 1) Входъ на кладбище. 2) Единовѣрческая церковь. 3) Зимній храмъ (Покровскій). 4) Лѣтній храмъ (Крестовоздвиженскій). 5) Лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ.—Н. С. Таганцевъ.

Нѣ этому № прилагаются: 1) «Внѣшн. литерат. и популярно-научныя приложенія» за май 1905 г., 2) «ПАРИЖОНІЯ МОДЫ» за МАЙ 1905 г. съ 58 рис. и отдѣлн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 4 рис. работъ для выжиганія.

За издателя **Л. Ф. Маркъ.**

За редактора **В. И. Свѣтловъ.**